

С. Г. Веригин ■ ПОД ЧУЖИМИ ЗНАМЕНАМИ

С. Г. Веригин

ПОД ЧУЖИМИ ЗНАМЕНАМИ:

военный коллаборационизм
в Карелии
в годы Второй мировой войны
(1939–1945)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY
PRESS

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. Г. Веригин

**ПОД ЧУЖИМИ ЗНАМЕНАМИ:
военный коллаборационизм в Карелии
в годы Второй мировой войны
(1939–1945)**

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2016

УДК 94 (47)“1939/1945”
ББК 63.3(2)6 + 63.3(2Р-6Кар)
В321

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета

Издается в рамках реализации комплекса мероприятий
Программы стратегического развития ПетрГУ
на 2012–2016 годы

Рецензенты:

Ю. М. Килин, доктор исторических наук, профессор;

Г. В. Чумаков, кандидат исторических наук, доцент

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Коллаборационизм среди военнопленных воюющих армий и гражданского населения в период советско-финляндской (Зимней) войны (1939–1940)	25
Глава 2. Военный коллаборационизм на территории Карелии в период Великой Отечественной войны (1941–1944)	53
Заключение	102
Список источников и литературы	106
Список сокращений	119

Введение

В любой стране оккупанты, захватив часть чужой территории, стремятся опереться на отдельные слои населения оккупированного государства, его государственные и общественные структуры для осуществления своей политики. Без сотрудничества с местными жителями оккупационная система не может быть дееспособной. В истории почти каждой страны мы находим примеры, когда определенная часть населения захваченной оккупантами территории по собственной инициативе или вопреки своей воле – в силу различных обстоятельств становилась на путь сотрудничества с оккупантами, изменяя своей Родине.

Коллаборационизм в юридической трактовке международного права – осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству. Термин чаще применяется в более узком смысле – как сотрудничество с оккупантами. В уголовном законодательстве подавляющего большинства стран мира факт коллаборационизма квалифицируется как преступление против своего государства, обычно как государственная измена. В «Современном словаре иностранных слов» понятие «коллаборационизм» объясняется следующим образом: от французского *collaboration* – изменник, предатель Родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками и их союзниками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939–1945)¹.

За послевоенные годы по проблеме коллаборационизма в период Второй мировой войны в западных странах создана обширная историография, свидетельствующая о сложности и противоречивости данного феномена². Глубокое и комплексное изучение данной проблемы невозможно без знакомства с финляндской историографией. За последние два десятилетия переведены с финского языка на русский и изданы труды финляндских исследователей: А. Лайне, Х. Сеппяля, Э. Пиэтола, Т. Вихавайнена, М. Йокипии, Ю. Куломаа и других, посвященные различным аспектам оккупационной политики финской администрации на оккупированной

территории Карелии в 1941–1944 гг., в том числе и вопросам проявления коллаборационизма среди местного населения в военный период³. Некоторые важные работы по данной проблеме (О. Хюютия, А. Куяла и др.⁴), вышедшие в Финляндии в последние годы, еще ждут своего перевода на русский язык.

В период советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 гг. часть территории Восточной Финляндии была занята советскими войсками. Финское население (в большинстве своем это были финские карелы) в основном ушло вместе с отступающей армией, однако на оккупированной Красной Армией территории осталось более 2 тыс. финских граждан, не успевших или не захотевших по различным причинам эвакуироваться⁵. В начале февраля 1940 г. они были интернированы в спецлагеря на территорию Советской Карелии, но после окончания Зимней войны большинство финских жителей вернулось на Родину. Советские власти пытались склонить финских граждан не только к политическому и хозяйственному, но и к военному сотрудничеству.

Практически в каждом научном труде, посвященном советско-финляндским отношениям в период 1939–1944 гг., говорится об интернированных финских гражданах периода Зимней войны⁶. Наиболее полно о жизни финского гражданского населения Суоярвского прихода написано в книге «Заложники государства. Жизнь суоярвцев во время Зимней войны», вышедшей в 1990 г. и основанной на материалах финляндских архивов и воспоминаний свидетелей⁷.

Судьба мирного населения коммуны Суомуссалми, не успевшего эвакуироваться в 1939–1940 гг. и оказавшегося под контролем советских властей, также нашла отражение в финляндской историографии. Наиболее значимыми работами по данной проблеме являются: «105 дней – жертвы и белая смерть в Кайнуу в 1939–1940 гг.», «По следам населения глухих деревень» Рейо Хейккинена и Матти Лакмана, «Эвакуированное население пограничных районов Финляндии» Микко Пёллянена, «Эвакуированное население и гражданские пленные Зимней войны» Тююне Мартикайнен, «Жители Рухтинаансалми под милостью Красной Армии в период Зимней войны в Суомуссалми» Юсси Кямярйнена, в которых собраны воспоминания очевидцев

событий⁸. Наряду с другими вопросами авторы показывают и попытки советских военных склонить финских граждан к военному сотрудничеству (вступление в Финскую народную армию, вербовка агентуры и др.).

Советская историография до периода перестройки – середины 1980-х гг. – не рассматривала проблему коллаборационизма в СССР в период Второй мировой войны как специальную тему исследования. Советские исследователи, как правило, не использовали и сам термин «коллаборационизм». Перед ними стояла задача всячески скрыть и принизить факты сотрудничества определенной части советских граждан в годы Второй мировой войны с немецкими властями и их союзниками, показать эти факты как частное явление военного периода, не имевшее широкой социальной базы⁹.

В советской исторической науке 1950–1970-х гг. всех, кто сотрудничал с оккупационными властями, изображали крайне упрощенно и только с негативной стороны, обычно использовались следующие определения – «кучка предателей», пособники оккупантов, изменники Родины, антисоветские элементы, власовцы, бандеровцы и т. п.¹⁰ И следует согласиться с утверждением профессора Казанского университета И. А. Гилязова о том, что «...если уж проблемы коллаборационизма затрагивались, то ответы на поставленные вопросы давались достаточно простые... малочисленность коллаборационистов, активность коммунистических и прокоммунистических подпольных групп в среде военнопленных, которые насильно были загнаны в военные формирования коллаборационистов, считалось, что главной причиной провала германских планов по привлечению на свою сторону представителей различных народов была верность советских людей своей Родине и коммунистической партии, их высокое чувство патриотизма»¹¹.

Все это, конечно, не позволяло глубоко изучить такое сложное общественно-политическое явление, как коллаборационизм. В действительности все было значительно сложнее, чем это описывалось в советской историографии, и зависело от целого ряда как внутренних, так и внешних факторов. К внутренним предпосылкам коллаборационизма следует отнести

Октябрьскую революцию 1917 г. и Гражданскую войну 1918–1920 гг., расколовших российское общество на враждующие силы, а также особенности общественно-политического развития СССР в 1920–1930-е гг.: политические репрессии, коллективизацию и раскулачивание, притеснения по религиозным принципам, национальные противоречия и др. К началу Второй мировой войны эти предпосылки привели к тому, что у определенной части советского общества сформировались протестные настроения и сложились отдельные группы населения, недовольные правящим советским режимом. Фактически создавалась социальная база для будущего проявления коллаборационизма в период оккупации части СССР в 1941–1944 гг.

Что касается внешних предпосылок коллаборационизма, то их довольно четко сформулировал О. В. Романько: «Однако были еще внешние факторы, которые также сыграли свою роль. К таким факторам можно отнести немецкие геополитические планы по поводу Советского Союза, деятельность антисоветской эмиграции и ее место в рамках этих планов. После начала Великой Отечественной войны к ним прибавилось еще два существенных фактора: особенности немецкого оккупационного режима в том или ином регионе СССР и положение на фронтах»¹².

Только с периода перестройки в СССР, когда были сняты идеологические запреты на исследование острых вопросов советской истории и открылись многие прежде засекреченные архивные документы, появилась возможность более глубокого изучения проблемы коллаборационизма на оккупированной советской территории в годы Второй мировой войны. Стал употребляться и термин «коллаборационисты» для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом.

Важный вклад в изучение данной темы внесло фундаментальное исследование М. И. Семиряги «Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны»¹³. Формулируя свое негативное отношение «к практике сотрудничества национальных предателей с гитлеровскими оккупационными властями в ущерб своему народу и родине», расценивая действия коллаборационистов «как измену Родине

в нравственном и в уголовно-правовом смысле этого понятия», автор вместе с тем полагает, что крайне тяжелые условия повседневной жизни оправдывали бытовой коллаборационизм части гражданского населения.

Можно полностью согласиться и с другим тезисом М. И. Семиряги, в котором утверждается, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой оккупированной страны. Без такого сотрудничества оккупационная система практически не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и т. д.¹⁴

Среди других работ российских исследователей последних лет по данной теме следует выделить труды И. А. Гилязова, А. В. Окорокова, С. И. Дробязко, Б. Н. Ковалева, Н. А. Ломагина¹⁵. Много и плодотворно трудится по проблемам коллаборационизма, особенно по его проявлению в Крыму, историк О. В. Романько из Крымского федерального университета¹⁶.

Слабо изученной как в финляндской, так и в российской историографии до сих пор является проблема сотрудничества финских военнопленных с советскими военными и государственными органами как в период Зимней войны, так и в 1941–1944 гг. Финляндские авторы долгое время не имели доступа к документальным источникам из фондов советских (ныне – российских) архивов. Поэтому эта тема рассматривалась в соседней стране преимущественно в мемуарной литературе. Что касается отечественной историографии, то в послевоенный период вплоть до второй половины 1980-х гг. данная проблема была практически закрыта для исследователей по идеологическим соображениям. Кроме того, советские историки не имели возможности получить необходимые архивные документы, отражающие положение военнопленных армий противника на территории СССР.

Положение стало меняться только в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда были сняты идеологические ограничения на исследование проблем истории Второй мировой войны, а главное, историки наконец-то получили доступ к ряду архивных документов, которые ранее хранились под грифом «Секретно». В начале

1990-х гг. начали появляться первые публикации, в основном в виде небольших по объему статей, затрагивающие некоторые аспекты данной темы¹⁷. В 1997 г. вышла работа В. П. Галицкого «Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.)»¹⁸.

Исследование проблемы коллаборационизма в период Второй мировой войны в масштабах СССР невозможно без глубокого изучения этого явления в различных регионах страны, в частности на территории Европейского Севера России.

Вторая мировая война 1939–1945 гг. на Европейском Севере России включает в себя советско-финляндскую (Зимнюю) войну 1939–1940 гг. и Великую Отечественную войну 1941–1944 гг. (военная операция в норвежском Финмарке закончилась в октябре 1944 г., Карельский фронт был расформирован в ноябре того же года). В финляндской историографии военные действия между СССР и Финляндией в 1941–1944 гг. называются войной-продолжением. В период Зимней войны советские власти пытались привлечь на свою сторону как гражданское население оккупированных районов Восточной Финляндии, так и военнопленных финской армии. Финляндская сторона в этой войне также пыталась создать воинские формирования из граждан бывшей царской России и советских военнопленных. В свою очередь в годы Великой Отечественной войны определенная часть советских граждан и военнопленных Красной Армии сотрудничала с финскими и немецкими оккупационными властями на оккупированной территории Советской Карелии.

Изучая тему коллаборационизма на материалах Карелии, следует учитывать особенности его проявления в нашей стране. В этой связи, на наш взгляд, прав профессор И. А. Гилязов, говоря о том, что советский коллаборационизм представляется явлением более сложным, многослойным, чем коллаборационизм европейский, что связано прежде всего с многонациональным составом населения СССР¹⁹. Это утверждение в полной мере относится и к Карелии периода Великой Отечественной войны.

На наш взгляд, можно выделить три основных составляющих коллаборационизма в Карелии в годы Второй мировой войны:

- 1) карелы, финны-ингерманландцы, русские и другие представители наиболее ожесточенной части белой эмиграции,

бежавшие с территории Советской России в соседнюю Финляндию в 1918–1922 гг. В Финляндии с начала 1920-х действовали десятки эмигрантских организаций, в т. ч. карельских и ингерманландских, и они были достаточно популярны в определенных политических кругах соседнего государства. С начала июля 1941 г. – первых дней оккупации северо-западной части СССР они оказались наиболее рьяными проводниками финской идеологии и главным инструментарием в проведении финской оккупационной политики на территории оккупированной Советской Карелии;

- 2) советские граждане, которые в период войны оказались на оккупированной противником территории Карелии или в Финляндии и, поверив финской пропаганде, сознательно пошли на сотрудничество с оккупационными властями, преследуя различные цели. К декабрю 1941 г. финским войскам удалось оккупировать две трети территории Карело-Финской ССР. Финская военная администрация разделила все оставшееся население по национальному признаку на две основные группы: коренное, или привилегированное, население (карелы, вепсы и другие финно-угорские народы) и некоренное, или непривилегированное, население (русские, украинцы, белорусы и др.). Местное финно-угорское население рассматривалось в качестве будущих полноправных новых граждан Великой Финляндии. Все средства пропаганды и агитации (печать, радио, школьное обучение, церковь и др.) были направлены на то, чтобы подчеркнуть национальное и естественное единство Финляндии и Карелии, привлечь бывших советских граждан финно-угорской национальности к сотрудничеству с финскими оккупационными властями, и прежде всего в военной сфере;
- 3) люди, которые обстоятельствами судьбы оказались в одной связке с первой и второй группами. Они оказались в рядах коллаборационистов, либо спасая свои жизни и жизни своих близких, либо под принуждением.

Стержнем коллаборационизма являлась первая группа, хотя и она, не взирая на ее откровенный профинский характер, не являлась единой.

По характеру деятельности коллаборационизм можно условно разделить на несколько групп: политический, административный, экономический (хозяйственный), военный и культурный.

К **политической коллаборации** относятся те, кто сотрудничал с финнами в государственной сфере. Это в первую очередь те представители российской эмиграции (преимущественно карелы-выходцы из Российской Карелии), которые бежали с территории Советской России в Финляндию в 1918–1922 гг. С конца июня 1941 г. они оказались наиболее рьяными проводниками финской идеологии и главным инструментарием в проведении финской оккупационной политики на территории оккупированной Советской Карелии. У них были политические цели: свержение существовавшего в СССР политического строя и присоединение оккупированной Восточной (Советской) Карелии к Финляндии.

Представители этой группы вошли в состав совещательной комиссии при Военном управлении Восточной Карелии – административном органе, созданном для организации политической и социально-экономической жизни на оккупированной территории Советской Карелии. В этой связи финляндский исследователь Юкка Куломаа отмечает, что местный колорит Военному управлению придавала совещательная комиссия, в составе 12 членов при начальнике ВУВК, составленная из бежавших после революции из Восточной (Российской) Карелии в Финляндию политически благонадежных карелов. Задача комиссии заключалась в оказании помощи при выработке принципиально важных решений. Никакими полномочиями для самостоятельного принятия решений этот орган, существовавший отдельно от других структур штаба ВУВК, не обладал. На рассмотрение комиссии поступало очень мало вопросов, и ее деятельность не оказала существенного влияния на ход событий²⁰.

В документах карельских ведомственных архивов эта структура называется Советом при ВУВК, при этом подчеркивается, что в его состав вошли карелы, ушедшие из Восточной Карелии в Финляндию в начале 1920-х гг., в большинстве своем участники

так называемых племенных войн. Председателем Совета стал Пробус (Прокопий) Рахикайнен, ур. д. Юшкозеро Калевальского района, бывший организатор восстания в 1921 г. в Ухтинском районе, член президиума Карельского академического общества с 1927 г. Членами Совета являлись: Василий Кейняс, ур. с. Реболы Ребольского района Карелии, участник «каравантюры», председатель правления «Восточно-Карельского комитета»; Микко Карвонен, ур. с. Кестеньга Кестеньгского района Карелии, участник «каравантюры», член президиума «Центрального союза карельских клубов» (Керхо); Ласси Кунтиярви (Кундозеров), ур. с. Олонга Кестеньгского района, организатор восстания в 1921 г. в Кестеньгском районе, секретарь Центрального союза карельских клубов (Керхо); Пауль Ипатти (Игнатьев), ур. Ребольского района, участник «каравантюры», член правления «Союза племенных воинов»; Нийло Кирикки (Кириков), ур. Ругозерского района, участник «каравантюры», член «Союза племенных воинов», и др.²¹

Для представителей этой группы коллаборационистов был присущ национальный и даже националистический мотив. В то же время политическая коллаборация была не свойственна для большинства населения, оказавшегося на оккупированной территории Карелии.

К административной коллаборации, на наш взгляд, следует отнести работу в оккупационных органах власти, различных культурно-просветительных и профессиональных организациях, судебных органах, учреждениях пропаганды и агитации, издательствах, т. е. деятельность в государственной сфере оккупационных властей.

Уже в первые дни оккупации в Карелии было создано Военное управление Восточной Карелии (ВУВК), которое привлекало к сотрудничеству местное население. Все руководящие должности, как в центральном аппарате ВУВК, так и в районных аппаратах, занимали, как правило, финны – офицеры, чиновники и пасторы, прибывшие в оккупированные районы Советской Карелии в 1941–1944 гг. из Финляндии. Однако были и исключения. Так, в финансовом отделе ВУВК служил Павел Михайлович Капустин,

житель г. Петрозаводска, до войны работавший в Наркомфине республики²².

На низовую административную работу – на должности поселковых комендантов и сельских старост финны подбирали лиц из числа местного населения. Большинство из тех, кто соглашался на сотрудничество с оккупационными властями, было недовольно существовавшим до войны советским режимом, некоторые участвовали в открытой борьбе против советской власти в период Гражданской войны и эмигрировали в начале 1920-х гг. в Финляндию, были участниками так называемой каравантюры. Часть коллаборационистов ранее была осуждена советскими судами за различные преступления.

Так, комендантом в д. Бабья Губа Калевальского района был назначен Василий Антропович Федоров, уроженец этой деревни, который зимой 1921/22 года участвовал в антисоветских восстаниях на территории района, а после их разгрома эмигрировал в Финляндию. В 1941 г. он прибыл в родную деревню в чине прапорщика финской армии²³. Старостой д. Панила Ведлозерского района стал Михаил Иванович Кошкин, до войны осужденный советским судом за спекуляцию.

Начальником Паданской волости Сегозерского района финскими властями был назначен Петр Федорович Савинов (Пекка Савинайнен), уроженец д. Сяргозеро, бывший унтер-офицер царской армии, который в период Гражданской войны активно участвовал в антисоветских выступлениях на территории этого района, а после их подавления ушел в Финляндию. В межвоенный период по заданию финской разведки он неоднократно нелегально переходил советско-финляндскую границу и посещал территорию Советской Карелии. Вернулся в Паданы в 1941 г. вместе с финскими войсками²⁴.

Именно «такими кадрами» замещалось большинство должностей старост оккупированных карельских деревень в 1941–1944 гг. Но были среди старост и те, кто шел на сотрудничество с оккупационными властями, спасая свою жизнь и жизнь своих родных и близких. В работе этих людей в должности старост деревень не было никаких политических мотивов, наоборот, они как могли помогали землякам. И это хорошо понимали

односельчане. Житель с. Шелтозеро Владимир Степанович Яршин вспоминает: «В некоторых деревнях были взяты старосты (имеются в виду аресты старост органами НКВД после войны. – С. В.), но все вернулись, потому что их сам народ отстоял. Они были, как говорят, душевные. Был, например, Шишов Александр Михеевич (староста д. Докучаево. – С. В.), старик, так он говорил: “Бабки, бабки, работайте спокойно”. Ведь финны не любили, чтобы сидели. Вот работаешь все время, чтобы шевелился. Этот говорил: “Потихоньку, потихоньку, не торопитесь. Работайте вот так, не надрывайтесь”. А шелтозерский был (староста Иван Андреевич Леметти. – С. В.) – мог и палкой ударить, и оскорбить. После освобождения, может, неделя прошла, всех прощупали, каждый свое сказал о нем. Как он в 1941 г. яму показал, где у нас хлеб был спрятан. А для других никаких оснований не нашли, полмесяца, месяц – и те старики вернулись... с Докучаевской (А. М. Шишов. – С. В.), Гамовские (Николай Иванович Курчатов. – С. В.), Верховские (Иван Ефимович Никонов. – С. В.) старосты все вернулись и прожили свой век»²⁵.

Многие из старост карельских и вепских деревень, попавших в зону оккупации, до войны являлись членами ВКП(б), занимали должности председателей колхозов, являлись депутатами районных и сельских Советов.

Так, в Заонежском районе Яков Осипович Балагурин, бывший член ВКП(б), стал старостой д. Воробьи, его брат Филипп Осипович Балагурин, также член ВКП(б), был назначен старостой д. Сичи; Петр Данилович Хайдин, бывший председатель колхоза им. 1 Мая, стал старостой д. Курьеницы; бывший председатель колхоза Михаил Иванович Юдин стал старостой д. Волкостров; бывший председатель колхоза им. Сталина Федор Васильевич Кобецкий являлся старостой д. Падмозеро; Михаил Лунин, бывший председатель колхоза «Новый путь», стал старостой д. Вертилово; стал старостой в Заонежском районе и бывший член ВКП(б) Дмитрий Федорович Костин; в Шелтозерском районе старостой д. Розмега являлся бывший депутат Шелтозерского райсовета и председатель колхоза «Красная звезда» Николай Иванович Изотов; в Олонецком районе старостой стал бывший председатель колхоза и депутат сельсовета Михаил Марков²⁶.

16 февраля 1942 г. начальник ВУВК генерал-майор Йохан В. Араюури (Arajuuri) и начальник штаба ВУВК подполковник Эйно Куусела подписали приказ окружным начальникам «В отношении старост», в котором говорилось: «Использование военными властями старост в качестве помощников во многих случаях было очень полезным. С одной стороны, они были доверенными лицами местного населения, с другой стороны, они были проводниками проведения в жизнь указаний военных властей, организаторами и руководителями работ. Там, где удачно выбирали деревенских старост, были хорошие результаты. Так как население Восточной Карелии привыкло, что в каждой деревне есть старший (руководитель) и т. к. система старост показала себя немногочисленным помощником военных властей, считаем необходимым, чтобы систему старост ввели повсеместно»²⁷.

В конце ноября – начале декабря 1942 г. после завершения формирования на оккупированной территории Карелии органов местной власти ВУВК организовало экскурсию старост из Олонецкого, Прионежского, Заонежского, Ведлозерского и других оккупированных районов в Финляндию. Руководителями группы были лейтенант Рубен Левянен, лейтенант Тауно Луоми, прапорщик Маури Лехтинен и военный пастор Ууно Э. Аалто. Всего ездило 26 человек. Три члена группы говорили только по-русски, остальные – на карельских диалектах. Они встречались с главнокомандующим финской армии Карлом Маннергеймом и президентом страны Ристо Рюти. Карельские старосты посетили ряд заводов и организаций Хельсинки и других финских городов²⁸.

Подробный отчет о поездке старост оккупированных районов Карелии в Финляндию имеется в материалах Военного архива Финляндии. В частности, в них указывается, что в день отъезда 4 декабря 1942 г. один из членов группы, вепс, в своей пламенной речи поблагодарил финскую сторону за проявленную заботу. В материалах Военного архива Финляндии не указывается фамилия этого человека. Однако в рассекреченных материалах архива Управления безопасности РФ по РК, к которым в 1990-е гг. получили доступ исследователи, также имеются сведения об этой поездке и дается состав группы карельских старост. Среди них

был вепс по национальности – староста д. Горное Шелтозеро Шелтозерского района Дмитрий Егорович Тучин. На наш взгляд, выступающим с пламенными речами в поддержку оккупационного режима в Карелии и был Дмитрий Тучин, который, как известно, с весны 1943 г. сотрудничал с советской разведкой и в своем доме несколько месяцев скрывал разведчиков, заброшенных в Шелтозерский район.

Кроме Д. Е. Тучина, архивные материалы УФСБ РФ по РК называют и других старост из Шелтозерского района: Николай Иванович Изотов, Никита Иванович Кабаков, Михаил Филиппович Бамшин; в составе группы были также старосты из Олонецкого, Прионежского, Заонежского, Ведлозерского и других оккупированных районов республики²⁹.

Экономическая, или хозяйственная, коллаборация – это работа в пользу противника на оккупированных территориях в сфере промышленности и сельского хозяйства, труд «невольных, вынужденных» коллаборационистов, угнанных в Финляндию. К этой группе следует отнести руководство, служащих и работников хозяйственных органов и организаций, функционировавших в годы войны, напрямую или косвенно работавших на оккупантов.

Так, в период финской оккупации Карелии несколько крупных торговых сетей Финляндии образовали акционерное общество «Вако», имевшее монополию на торговую деятельность в Карелии. Первый магазин был открыт в с. Видлица, а позднее торговая сеть охватила всю Карелию. Обслуживающего персонала для магазинов, пекарен, мельниц и кафе «Вако» не хватало, поэтому в качестве рабочей силы использовалось местное население, которое выполняло функции кладовщиков и продавцов. Для некоторых из них в Петрозаводске были организованы специальные курсы. В 1941 г. в этой компании было занято 374 карела (речь идет о национальном населении) и 233 русских (имеется в виду ненациональное население), а в 1944 г. цифры возросли до 473 и 297 человек соответственно³⁰.

Местное население в период оккупации работало также на предприятиях, в различных организациях и учреждениях Петрозаводска. Например, в 1942 г. на Соломенской ГЭС

г. Петрозаводска из 300 работавших насчитывалось около 100 местных жителей. Большинство из них были карелами и вепсами по национальности, приехавшими в город из оккупированных районов республики³¹.

Некоторые пытались открыть «свой частный бизнес». Так, в материалах 4-го отдела НКВД КФССР о положении в оккупированном Петрозаводске за июнь 1942 г. отмечается, что в городе открыты две парикмахерские, которые содержит Мореходов, уроженец д. Леликово Заонежского района³².

Финские оккупационные власти активно поощряли хозяйственную коллаборацию. Так, с 1942 г. ВУВК стало проводить вербовку женщин финно-угорских национальностей Восточной Карелии на временную работу в Финляндию. Оккупационные власти подчеркивали важность этой работы, ссылаясь, в частности, на то, что опыт жизни в Финляндии будет способствовать распространению финляндских норм и ценностей среди населения Карелии: «Военное управление Восточной Карелии наметило в течение начавшейся зимы для группы молодых восточно-карельских женщин создать возможность поработать в Финляндии в качестве домработниц в приличных сельских домах и, таким образом, на практике познакомиться с тем, как ухаживать за домом и вести хозяйство... Знакомство с условиями жизни в Финляндии и распространение об этом реальных сведений после возвращения людей домой было бы хорошей пропагандой в пользу Финляндии»³³.

В годы войны получил развитие и **культурной коллаборационизм**. Он, в частности, выразился в том, что оккупационные власти в военный период предпринимали попытки создать надежные кадры учителей из представителей финно-угорских народов Карелии, открывая для этого различные курсы переподготовки.

Так, в конце 1941 г. со всей оккупированной территории Карелии финские власти стали собирать в Петрозаводске бывших советских учителей, в большинстве своем карелов и вепсов. В декабре 1941 г. они были направлены в Финляндию в учительский лагерь Миеслахти. Всего прибыло 59 женщин и 13 мужчин. Преподавателями лагеря стали откомандированные ВУВК офицеры, которые являлись педагогами по специальности. Кроме

того, в качестве преподавателей выступили учителя г. Каяни и Сортавальской семинарии, эвакуированной в Каяни. После окончания курсов бывшие советские учителя вернулись обратно на оккупированную территорию Карелии для работы в народных школах³⁴.

С 1942 г. Военное управление Восточной Карелии развернуло кампанию по вербовке женщин из «родственных» национальностей на различные учительские и религиозные курсы. Оккупационные власти отмечали значение этих курсов, ссылаясь на идеологические мотивы: «В течение февраля – мая с. г. в нескольких религиозных народных училищах Финляндии обучалось примерно 60 девушек из Восточной Карелии. Помимо того, что эти курсы оказали большое воспитательное влияние на указанных лиц, нами установлено, что, возвратившись в родные места, они проводили значительную пропагандистскую работу в пользу Финляндии. И, таким образом, учеба принесла пользу финнизации Восточной Карелии»³⁵.

Подобные поездки приносили определенный идеологический результат. Многие девушки из Карелии действительно возвращались на родину с профинскими настроениями. Об этом свидетельствуют и архивные документы. Так, осенью 1944 г., после освобождения Шелтозерского района, начальник Шелтозерского районного отделения НКГБ Н. Д. Демкин в отчете о последствиях финской пропаганды писал: «Финны особенно стремились проводить работу среди вепсской молодежи. Для них были созданы всякого рода кружки. Но эти кружки были только ширмой. Немало молодежи ездило в Финляндию, где они еще больше подвергались обработке против Советской власти. Выступали в газетах со статьями, что финны – наши кровные братья-освободители. Были учителя-комсомольцы, но они попали под влияние и стали на путь пособников финнов. Две молодые девушки ездили в Финляндию и после своей поездки написали статью в фашистскую газету “Северное слово” о своей поездке в Финляндию. Статья была написана против Советского Союза»³⁶. А. Громова, учившаяся на учительских курсах в Финляндии в 1942–1943 гг., вспоминала, что лишь немногие девушки с курсов остались в Карелии, когда стало ясно, что Финляндия проигрывала войну³⁷.

С другой стороны, из архивных документов следует, что ряд бывших советских учителей направлялись на подобные курсы насильственно, помимо их воли. Так, жительница д. Розмега Шелтозерского района Анна Лебедева передала разведчикам информацию о том, что в марте 1942 г. на курсы в Финляндию для переподготовки учителей из Шелтозерского района были насильственно отправлены учительницы Ксения Ефимовна Педина и Анастасия Матвеевна Бошакова³⁸. Об этих же курсах рассказала разведчикам 13 июня 1943 г. Мария Варламовна Дерягина, работавшая в оккупированном Петрозаводске воспитательницей детского сада: «В конце 1941 г. со всей оккупированной территории финны начали собирать в г. Петрозаводске учителей для их переподготовки. Многие учителя не хотели ехать добровольно, но финны весной 1942 г. насильно увезли их на курсы в Финляндию»³⁹.

Существенное место в изучении общей проблемы коллаборационизма представляет **военная коллаборация** – служба в военных формированиях противника (воинских частях, охранных батальонах, полиции, разведке и контрразведке и т. п.), которая и стала объектом специального исследования в данной монографии.

При этом необходимо учитывать, что накануне Второй мировой войны в Финляндии сформировалась социальная и национальная база для будущего проявления коллаборационизма на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 гг. К 1939 г. в соседней стране проживало свыше 10 тыс. карелов, финнов-ингерманландцев и русских, представителей белой эмиграции, бежавших из Советской России в 1918–1922 гг., многие из них воевали на стороне финской армии против Красной Армии еще в годы Гражданской войны.

База коллаборационизма значительно расширилась в период военных действий между СССР и Финляндией в 1941–1944 гг. В эти годы свыше 200 тыс. советских граждан оказалось в подчинении финских властей. Так, на 9 января 1942 г., по первой переписи, проведенной Военным управлением Восточной Карелии (ВУВК), на оккупированной территории республики проживало 86 119 человек, из них: национальное население – 35 919,

ненациональное – 50 200⁴⁰. В дальнейшем эти цифры незначительно менялись в сторону уменьшения. Кроме того, в военный период в финских лагерях оказалось около 67 тыс. советских солдат и офицеров. По другим данным, в финских концентрационных лагерях оказалось 64 тыс. советских военнопленных, из них от 19 до 22 тыс. погибли в плену (https://fi.wikipedia.org/wiki/Sotavangit_Suomessa_toisen_maailmansodan_aikana). В 1943–1944 гг. из Ленинградской области и Эстонии в Финляндию было переселено свыше 65 тыс. финнов-ингерманландцев.

В период 1941–1944 гг. финские власти по инициативе в первую очередь военной разведки и националистов сформировали ряд воинских подразделений по национальному признаку: турецкие, эстонский и др. Для ведения боевых действий на северо-западе СССР финская сторона особое внимание придавала привлечению в свою армию карелов и финнов-ингерманландцев, что должно было придать процессу завоевания Восточной Карелии, по мнению финского командования, печать освободительной борьбы финно-угорских народов против власти большевиков.

До последнего времени в отечественной историографии практически не было крупных научных работ по тематике, связанной с сотрудничеством гражданского населения Финляндии и финских военнослужащих с советскими властями в годы Зимней войны 1939–1940 гг., а также сотрудничества местных жителей Карелии с финскими военными властями на оккупированной территории республики и советских военнопленных с финскими и немецкими военными властями в лагерях для военнопленных в Северной Финляндии и оккупированной территории северной Карелии и Мурманской области в 1941–1944 гг. Имелись лишь отдельные статьи⁴¹, которые не раскрывали всех аспектов этой сложной проблемы.

Попытка восполнить существующий пробел в российской историографии и положить начало исследованию данной темы была предпринята в монографии С. Г. Веригина «Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.», вышедшей в Издательстве ПетрГУ в 2012 г.⁴² Автор, анализируя все группы проявления коллаборационизма (военный, политический, экономический, культурный,

бытовой), попытался ответить на главный вопрос: кем были коллаборационисты – предателями своей Родины, перешедшими в суровый военный период на сторону противника, или они стали жертвами войны и шли на сотрудничество с оккупационными властями, исходя из тяжелых условий существования.

Монография «Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.» вызвала большой интерес как у научной общественности, так и у читателей, интересующихся региональной историей, не только в России, но и в Финляндии. Книга была переведена на финский язык и вышла в 2014 г. в Хельсинки в издательстве «Минерва»⁴³.

Данное издание продолжает тематику предыдущих работ автора. Вниманию читателей представлено исследование одного из важных проявлений коллаборационизма – сотрудничество местного населения и военнослужащих двух стран в годы Второй мировой войны в военной сфере.

¹ Современный словарь иностранных слов. М., 1999. С. 287.

² Das Deutsche Reich der Zweite Weltkrieg. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. Bd. 4; *Dallin A.* German rule in Russia 1941–1945: A study of occupation politics. L., 1957; *Reitlinger G. A.* House built on Sand : Conflicts of German policy in Russia 1939–1945. L., 1960; *Mulligan T. P.* The politics of illusion and empire. German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–1943. N. Y., 1988; *Hoffman J.* Die Ostlegionen 1941–1943. Freiburg, 1976; *Его же.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1984; и др.

³ *Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой : национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1930-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 223–250; *Его же.* Гражданское население Восточной Карелии под финской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 42; *Его же.* Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941–1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера : (проблемы социальной экономики и политики, 60-е годы XIX–XX в.). Петрозаводск, 1995. С. 99–106; *Его же.* Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии : сб. науч. ст. и источников. Вып. 3 : Финская оккупация Карелии (1941–1944) / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 17–22; *Септяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5; № 6; *Пизтола Э.*

Военнопленные в Финляндии // Север. 1990. № 12; *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000; *Йокиниemi М.* Финляндия на пути к войне : исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999; *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006.

⁴ *Hyutiä O.* «Helmi Suomen maakuntien joukossa»: suomalainen Itä-Karjala 1941–1944. Helsinki, 2008; *Sotavangit ja internoidut.* Kansallisarkiston artikkelikirja. Helsinki, 2008; *Kujala A.* Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki ; Otava, 2008.

⁵ *Веригин С. Г.* Терийокское правительство и его деятельность на территории Карелии в период Зимней войны, 1939–1940 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 60.

⁶ См., например: *Rentola K.* Kenen joukoissa seisot? Suomalainen Kommunismi ja sota 1937–1945. Juva, 1994; *Хуетанен С.* Вопрос о перемещенных лицах // Народ в войне. Хельсинки, 1989; *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998; и др.

⁷ *Haasio A., Hujanen E.* Tasavallan panttivangit. Evakuoimatta jääneiden suojarvelaisten vaiheet talvisodan aikana. Yväskylä. Suo-Säätiö. Gummerus kirjapaino OY, 1990.

⁸ 105 Päivää – Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939–1940; *Heikkinen R., Lackman M.* Корпикансан кintereillä; *Pöllänen M.* Suomussalmen siviilejä Talvisodan kurimuksessa. Saarijärvi. Gummerus Kirjapaino OY, 1998; *Martikainen T.* Talvisodan evakot ja siviilisotavangit. Yväskylä. Suo-Saatö. Gummerus kirjapaino OY, 2000; *Kämäräinen J.* Ruhtinaansalmelaiset puna-armeijan armoilla talvisodan Suomussalmella. Joensuun yliopisto, 2001.

⁹ Например: История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1960–1965. Т. 1–6; История Второй мировой войны, 1939–1945. М., 1973. Т. 1–12; Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965.

¹⁰ *Литвин А. М.* Проблема коллаборационизма и политические репрессии в Белоруссии в 40–50-х гг. // Политический сыск в России : история и современность. СПб., 1997. С. 266–267.

¹¹ *Гилязов И. А.* Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны – форма проявления национализма? // Ab Imperio : теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. № 1. Казань, 2000. С. 108.

¹² *Романько О. В.* Военный коллаборационизм советских граждан в период Второй мировой войны : к вопросу о характере и причинах // Язык как инструмент познания и зеркало эпохи : материалы междунар. науч.-практ. конф.

«VI Кирилло-Мефодиевские чтения», г. Симферополь, 23–24 мая 2013 г. Симферополь, 2013. С. 144.

¹³ *Семиряга М. И.* Коллаборационизм : природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000;

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ *Гилязов И. А.* На другой стороне : (коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). Казань, 1998; *Окорочков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Дробязко С. И.* Восточные войска и Русская освободительная армия // *Материалы по истории Русского освободительного движения 1941–1945 гг.* М., 1999. С. 16–105; *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. 2-е изд. Кн. 1. СПб., 2002; и др.

¹⁶ *Романько О. В.* Советский легион Гитлера : граждане СССР в вермахте и СС. М., 2006; *Его же.* Военный коллаборационизм советских граждан в период Второй мировой войны : к вопросу о характере и причинах; и др.

¹⁷ *Галицкий В. П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // *Военно-исторический журнал* (далее – ВИЖ). 1990. № 9. С. 39–46; *Носырева Л., Назарова Т.* Пойдем на Голгофу, мой брат... // *Родина*. 1995. № 12. С. 99–105; *Дудорова О. А.* Неизвестные страницы «Зимней войны» // *ВИЖ*. 1991. № 9. С. 12–23; *Ивашов Л. Г.* Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной // *ВИЖ*. 1993. № 4. С. 7–12; № 5. С. 45–50; № 7. С. 35–40.

¹⁸ *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997.

¹⁹ *Гилязов И. А.* На другой стороне... С. 121.

²⁰ *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944 / Ю. Куломаа ; Военно-ист. об-во РК; науч. ред. Ю. М. Килин. Петрозаводск, 2006. С. 44.

²¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее – Архив УФСБ РФ по РК). Ф. 6. ФЛД. Д. 12. Т. 3. Л. 116, 116 об.

²² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 117. Л. 54–55.

²³ Там же. Л. 54.

²⁴ Там же. Л. 55.

²⁵ Устная история в Карелии. Вып. 3 : Финская оккупация Карелии (1941–1944). С. 89.

²⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 82. Л. 41, 142.

²⁷ Haltsto/AunPE. T 2872/14. SA.

- ²⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 117. Л. 63–64.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Осинов А. Ю.* Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии // Устная история в Карелии. Вып. 3 : Финская оккупация Карелии (1941–1944). С. 25.
- ³¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 6. Д. № 11. Ч. 4. Л. 161.
- ³² Там же. Л. 128.
- ³³ По обе стороны Карельского фронта : док. и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 292.
- ³⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 10. Оп. 2. Д. 8303. Л. 292.
- ³⁵ По обе стороны Карельского фронта. С. 288.
- ³⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 20. Оп. 1. Д. 282. Л. 19; *Голубев А. В.* Повседневная жизнь женщин в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Карелии : к постановке проблемы // Устная история в Карелии. Вып. 3 : Финская оккупация Карелии (1941–1944). С. 10.
- ³⁷ По обе стороны Карельского фронта. С. 406.
- ³⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 117. Л. 62.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Väestötst/ItäKar.SE, T2970/12, SA.
- ⁴¹ *Verigin S., Laidinen E.* Kollaboraation ongelma ja vainot Karjalassa // Kaarjalan Sanomat. 2004. 15. huuhtikuuta; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Проблема коллаборационизма в Карелии в годы Второй мировой войны // Восточная Финляндия и Российская Карелия : традиция и закон в жизни карел : материалы междунар. семинара историков, посв. 65-летию ПетрГУ / сост. А. М. Пашков, И. М. Соломещ. Петрозаводск, 2005. С. 223–229; *Verigin S., Laidinen E.* Kollaboraation ongelma Karjalassa Suomen miehityksen aikana (1941–1944). Kieli-historia-kulttuuri. Venäjän kulttuurin ja kielen koulutus. Kajanin opettajankoulutusyksikkö Oulun yliopisto. 2005; *Их же.* The issue of collaborationism in Karelia during World War II // Migration – Industrialisation – Regionalisation. The Use and Abuse of History in the Barents Region II. Ed. Lars Elenius. Lulea University of Tehnology. Lulea, Sweden 2004. S. 205–213.
- ⁴² *Веригин С. Г.* Предатели или жертвы войны : коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2012.
- ⁴³ *Verigin S.* Pettureita vai sodan uhreja. Yhteistyö vihollisen kanssa Karjalassa toisen maailmansodan aikana. Helsinki : Minerva, 2014.

ГЛАВА 1

Коллаборационизм среди военнопленных воюющих армий и гражданского населения в период Зимней войны

В период советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 гг. обе противоборствующие страны пытались воздействовать на войска противника, ведя постоянную пропаганду. Когда появились военнопленные, то и финская, и советская сторона стремились склонить часть военнопленных к военному и политическому сотрудничеству.

Сложность проблемы военнопленных в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. заключается в том, что противоборствующие стороны не вели отдельного учета по своим военнопленным, фиксируя лишь пропавших без вести. При этом, по официальным данным, с советской стороны пропали без вести 39 369 человек, с финской – 3 273 человека¹. К сожалению, исследователям в архивах пока так и не удалось обнаружить точных данных о количестве финских военнопленных, находившихся в 1939–1940 гг. на территории СССР. В финляндской историографии эта цифра колеблется от 825 до 1 тыс. человек. В публикациях российских авторов, в выступлениях на различных научных конференциях общее количество военнопленных финляндской армии варьируется от 800 до 1 100 человек². Что касается советских военнопленных, то в финском плену в результате крупных боев и окружений советских частей (44-я дивизия в районе Суомуссалми, 18-я дивизия в районе Питкяранты и др.) их оказалось значительно больше – около 6 тыс. человек³.

С учетом того, что в советский плен попало небольшое число финских военнопленных, перед советской стороной не стояла задача добиться военной коллаборации, создавать какие-либо воинские подразделения в составе Красной Армии. Советские государственные органы и, прежде всего, НКВД СССР пытались

использовать финских военнопленных в разведывательных и пропагандистских целях.

К моменту войны с Финляндией СССР уже имел определенный опыт содержания военнопленных армий противника (поляков, японцев и др.). Их содержание регулировалось изданными «Положениями о военнопленных». В период Зимней войны действовало два «Положения о военнопленных»: первое – утвержденное Положением ЦИК и СНК СССР № 46 от 19.03.1931, почти полностью совпадавшее с текстом Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27.07.1929; второе – утвержденное Экономическим Советом СНК СССР от 20.09.1939 и определившее режим содержания всех категорий военнопленных, находящихся в СССР⁴.

Данные нормативные акты исходили из двух основных принципов: во-первых, военнопленные сохраняли свое гражданство; во-вторых, они находились под защитой как международного права о защите жертв войны, так и внутригосударственного права державшей их в плену страны.

Руководство СССР требовало от Управления по делам военнопленных (далее – УПВ) НКВД СССР соблюдения этих правовых актов. Однако в практической деятельности администрации лагерей принципы содержания военнопленных часто нарушались. Это выражалось в плохом бытовом обеспечении (размещение военнопленных в непригодных для проживания жилых помещениях, неполноценном питании, отсутствии необходимых условий и др.); не всегда квалифицированном медицинском обслуживании; неудовлетворительном обеспечении вещевым довольствием.

В целом, по сравнению с условиями содержания советских военнопленных в Финляндии⁵, правовое положение финских военнопленных в основном соблюдалось. Анализ архивных данных показывает, что это даже вызывало недоумение у некоторых финских военнопленных, не рассчитывавших на такое отношение и содержание их в советском плену.

С началом войны против Финляндии в полосе действий 7, 8, 9 и 14-й армий советских войск были созданы специальные пункты приема для финских военнопленных: Мурманский (на 500 чел.),

Кандалакшский (на 500 чел.), Кемский (на 500 чел.), Сегежский (на 1 тыс. чел.), Медвежьегорский (на 800 чел.), Петрозаводский (на 1 тыс. чел.), Лодейнопольский (на 500 чел.) и Сестрорецкий (на 600 чел.). Для финских военнопленных были подготовлены четыре тыловых лагеря: Южский (Ивановская обл.) – на 5 тыс. человек; Потьма (Мордовская АССР) – на 6 тыс. человек; Грязовец (Вологодская обл.) – на 2,5 тыс. человек; Путивль (Сумская обл.) – на 4 тыс. человек⁶.

Предполагалось, что война станет для СССР победоносной, финская армия будет разгромлена, а все оставшиеся в живых военнослужащие взяты в плен. С этой целью надо было подготовиться к приему пленных. Эта задача была возложена на созданное в сентябре 1939 г. УПВ НКВД СССР.

В конце декабря 1939 г. начальник этого управления майор госбезопасности П. Сопруненко рапортовал в Наркомат внутренних дел о готовности шести лагерей к приему финских военнопленных общим лимитом на 27 тыс. человек. Все эти лагеря уже использовались для приема военнослужащих польской армии, интернированных осенью 1939 г. в СССР в результате военных действий Красной Армии по присоединению к Советскому Союзу территорий Западной Белоруссии и Западной Украины⁷. В качестве резерва держали еще три лагеря – Карагандинский (Спасо-Заводской) в Казахской ССР (на 5 тыс. чел.), Тайшетский в Иркутской области (на 8 тыс. чел.) и Велико-Устюженский в Вологодской области (на 2 тыс. чел.).

Однако говорить о полной готовности было трудно. УПВ НКВД СССР не справлялось с поступавшей массой интернированных военнослужащих польской армии, к приему и размещению которой НКВД СССР с его отлаженным механизмом ГУЛАГа оказался практически не готов. Так, начальник Особого отдела НКВД, проведя инспекцию одного из лагерей, предназначенного для пленных финнов, – Южского, отмечал в докладной записке на имя начальника УПВ П. Сопруненко, что лагерь не подготовлен для нормального содержания военнопленных⁸.

В решении этого вопроса советским властям «помогли» сами финны. Количество пленных было небольшим, на что явно не рассчитывало советское руководство. Так, по нашим подсчетам,

за декабрь 1939-го – март 1940 г. Петрозаводский приемный пункт военнопленных, один из самых крупных среди других действующих пунктов, принял от 8-й и 9-й армий только около 260 человек⁹. В итоге единственным лагерем для пленных финнов стал Грязовецкий лагерь в Вологодской области (расположен в 7 км от г. Грязовец).

В книге учета этого лагеря значатся имена 600 финских военнопленных, но надо учесть, что в нем не указаны те, кто умер в советском плену. Сведения об умерших финнах в документах Центрального аппарата и политотдела ГУПИ НКВД СССР отсутствуют.

Однако не всех пленных финнов отправляли в Грязовецкий лагерь. Проведенный анализ архивных документов, содержащихся в Архиве МВД РК (протоколы допросов военнопленных, состав этапных списков из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь и др.), показывает, что раненых, тяжело больных, обмороженных военнослужащих оставляли в госпиталях Петрозаводска¹⁰. Кроме того, часть военнопленных финнов вообще не отправлялась в лагерь, а использовалась советскими органами для проведения пропагандистской и разведывательной деятельности.

В период Зимней войны финская пропаганда утверждала, что всех военнопленных большевики расстреливают или отправляют в Сибирь. Но это было не так. Как уже отмечалось, большинство финских военнопленных было отправлено в Грязовецкий лагерь в Вологодскую область. Сохранились воспоминания некоторых из них. Так, бывший военнопленный Тадеус Сарримо вспоминал: «Ухаживали за нами хорошо. Раненым давали чистые бинты, от холода сразу дали водки... По прибытии в лагерь дали щи, чай и гречневую кашу с подсолнечным маслом. Мы были сыты... Кормили в лагере в общем-то хорошо, только финские желудки не были приучены к щам, и военнопленные жаловались... В комнатах у военнопленных был шкаф, где они хранили хлеб и сахар. Санитарные условия были хорошие. Вшей было очень мало. Ночью люди играли в карты и шашки. Днем не работали...»¹¹.

Ввиду небольшого количества сохранившихся архивных документов в настоящее время трудно дать обстоятельную картину

жизни и быта финских военнопленных в СССР. Отчет старшего инспектора 4-го отдела УПВ НКВД, приехавшего с проверкой в Грязовецкий лагерь в начале февраля 1940 г., остался, по существу, единственным официальным документом, зафиксировавшим условия содержания пленных финнов. В нем отмечалось: «Помещения для военнопленных оборудованы нарами сплошной системы в один, два и три яруса в зависимости от состояния здания (ветхости и кубатуры воздуха)... Беспорядочное нагромождение нар, без соблюдения требуемых между ними проходов, имеет следствием скученность контингента и делает невозможным уборку помещений. На одного военнопленного приходится 0,6 кв. м, что крайне недостаточно... Одеял и простыней для военнопленных нет»¹².

Тяжелые бытовые условия органы НКВД старались компенсировать политической и культурно-воспитательной работой среди военнопленных. Большинство пленных финнов были выходцами из рабочих и крестьян – среды, близкой «стране победившего социализма». Поэтому в основу политической работы с пленными был положен тезис о том, что главная задача Красной Армии в военной кампании против Финляндии состоит в освобождении финских трудящихся от гнета помещиков и капиталистов.

Начиная войну с Финляндией, советское руководство надеялось на поддержку созданных им Народного правительства Куусинена и Финской народной армии со стороны финского населения. Определенная роль при этом отводилась и военнопленным. В карельских архивах автором изучены протоколы допросов более 260 финских военнопленных. Наряду с обычными вопросами, которые задавали следователи на пунктах приема военнопленных: к какой части принадлежите? какое имеется вооружение, снаряжение и обмундирование? каково настроение солдат? и др. – были и политические: что вы знаете о Народном правительстве Куусинена и его программе? знаете ли вы, что войну против СССР начала кровавая финская буржуазия? хотели бы вы остаться в СССР? и др.

На допросах следователи пытались также выявить среди финских военнопленных членов политических партий и организаций Финляндии, особенно их интересовали шюцкор и Карельское

академическое общество. В Советском Союзе их считали анти-советскими, контрреволюционными организациями.

Вопрос о том, какова была прослойка шюцкора среди финских военнопленных, остается не до конца выясненным. В. П. Галицкий считает ее незначительной, отмечая, что из 697 военнопленных финской армии (691 финн и 6 шведов), содержащихся в Грязовецком лагере в период с декабря 1939 г. по март 1940 г., было официально выявлено лишь 69 шюцкоровцев¹³. Однако проведенный анализ архивных документов этапных списков финских военнопленных из Петрозаводска в Грязовецкий лагерь не позволяет поддержать этот тезис. Прослойка шюцкора среди пленных колебалась от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всех пленных¹⁴. Надо иметь в виду, что шюцкор для финляндской молодежи в 1930-е гг. был примерно такой же организацией, как комсомол для советских молодых людей. Поэтому довольно значительная часть молодежи Финляндии состояла в шюцкоре.

На наш взгляд, это разночтение в документах объясняется тем, что часть военнослужащих финской армии, зная интерес советских органов к шюцкору и Карельскому академическому обществу, пыталась скрыть свое членство в них. И если при первых допросах на пересыльных пунктах военнопленных они признавались в принадлежности к этим организациям, то затем, попав в Грязовецкий лагерь, стали отрицать свое участие в них. Некоторые старались объяснить это тем, что вступили в шюцкор по молодости и неопытности. Так, военнопленный из крестьян Яков Мойланен на допросе в Петрозаводском приемном пункте пленных 8 декабря 1939 г. заявил, что в шюцкор вступил необдуманно, по молодости совершив глупость, а теперь «осознал», что шюцкоровцы защищают не интересы рабочих и крестьян, а интересы буржуазии¹⁵.

Однако были и такие военнопленные, которые заявляли, что вступили в шюцкор добровольно, оказывая посильную помощь своей родине. Об этом, например, сообщил следователю на допросе в этом же приемном пункте 9 декабря 1939 г. военнопленный, бывший учитель, Эйно Юлкунен¹⁶.

Среди военнопленных встречались также члены Крестьянской партии Финляндии («Малайслиитто»), женской организации

«Лотта Свяд» и даже Коммунистической партии Финляндии. Так, по этапному списку из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь 18 января 1940 г. из 29 военнопленных: шюцкор представляли 7 человек; крестьянскую партию – 1; компартию – 1 (Онни Сааринен); по этапному списку 5 января 1940 г. из 41 человека: шюцкор – 5 человек; Карельское академическое общество – 1; «Лотта Свяд» – 1 (Сиркка Урасмаа)¹⁷.

В. П. Галицкий по политическим взглядам разделил финских военнопленных на три группы:

- 1) военнопленные, высказывавшие лояльное отношение к СССР, его политическому устройству, необходимости быть с ним в добрососедских отношениях и т. п. (около 20 % от общего числа как в период 1939–1940 гг., так и в период 1941–1944 гг.);
- 2) проявлявшие антисоветские, фашистские, крайне националистические настроения, во взглядах которых отражалось враждебное отношение к СССР, русским (около 15–20 % от общего числа);
- 3) военнопленные, занимавшие в условиях плена нейтральную позицию, так называемые молчуны, которые как в неофициальной, так и в официальной обстановке скрывали истинное отношение и к СССР, и к фашизму, занимали позицию «не нашим и не вашим» (около 60 % от общего числа). Однако представители этой группы, как правило, всегда ставили свои подписи под политическими воззваниями, подготовленными антифашистами для использования в пропагандистских целях (всевозможные документы, распространявшиеся среди военнопленных, военнослужащих и населения Финляндии и т. п.)¹⁸.

При этом исследователь отмечает, что между первой и второй группами шла упорная борьба за перетягивание на свою сторону военнопленных из третьей группы. Безусловно, администрация лагерей и их политический аппарат отдавали предпочтение первой группе, активно боролись с представителями второй группы и проводили разъяснительную работу среди третьей группы финских военнопленных. Систематически собирались данные о политико-моральном состоянии финских военнопленных.

Потребителями этой информации были руководство НКВД СССР, Бюро военно-политической информации ЦК ВКП(б), 7-е Управление ГлавПУРККА, секция Компартии Финляндии при ИККИ.

Так, на 21 февраля 1940 г. начальник Грязовецкого лагеря военнопленных докладывал руководству УПВИ НКВД СССР, что политико-моральное состояние финских военнопленных нормальное; положением в плену довольны; среди них ходят слухи о том, что не финны, а Красная Армия открыла огонь по своим войскам 26 ноября 1939 г.; регулярно проводится читка газет на финском языке; изучение их продолжается посредством бесед и т. п.; нужна помощь в организации библиотечки на финском языке; кинофильмы демонстрируются с субтитрами на финском языке и т. д.¹⁹

В допросах военнопленных армии Финляндии на приемных пунктах принимали участие члены редколлегии газеты «Кансан Валта» (печатный орган правительства Куусинена) и ее редактор Линко, а также представители Народного правительства. Особое внимание при допросах уделялось тем военнослужащим, которые добровольно сдались в плен Красной Армии. Справедливости ради стоит отметить, что таких было немного.

Анализ архивных документов показывает, что основная часть финских военнопленных не поддерживала идею создания Териокского правительства. Финны заявляли, что они защищают свою родину от завоевания Советским Союзом²⁰. Так, военнопленный Матти Андреевич Сайкконен, 1907 г. р., рабочий-пильщик, по происхождению из крестьян губернии Сортавала, при допросе на Сестрорецком приемном пункте ответил следователю: «Разговоры о том, что СССР не воюет с финским народом – это ложь, борьба идет за самостоятельность финского народа. Что касается правительства Куусинена, то у нас есть законное правительство в Хельсинки»²¹.

Члены правительства Куусинена – министр внутренних дел Т. Лехен и министр сельского хозяйства А. Эйкия, проводившие беседы на Сестрорецком приемном пункте в конце февраля 1940 г. с финскими военнопленными, входившими в состав 62, 63 и 68-го пехотных полков, 2-го берегового артполка

и других частей, сражавшихся в районе Выборга, отмечали: «В отличие от первой партии военнопленных, захваченных до прорыва линии Маннергейма, среди последних партий нет людей, которые бы верили в слабость Красной Армии; все говорят, что Финляндия потерпит поражение, что ей не устоять против огромного превосходства сил. Все военнопленные подчеркивают усталость трудящихся от войны, однако добровольный переход на сторону Красной Армии имел место лишь в единичных случаях. Программу правительства Куусинена считают пропагандой»²².

Советские политические и разведывательные органы пытались склонить финских военнопленных к военному и политическому сотрудничеству. Но, судя по архивным источникам, лишь небольшое число финских военнослужащих дало свое согласие на это. По социальному составу в основном это были рабочие и крестьяне, многие из них являлись членами социал-демократической партии. Так, среди военнопленных Сестрорецкого приемного пункта, которые добровольно сдались в плен и выразили желание к сотрудничеству с советскими властями, были: Карл Холстикко, социал-демократ с 1938 г.; Орво Пейтсамо, 1905 г. р., социал-демократ; Матвей Луома, добровольно сдался в плен и заявил, что верит в Декларацию правительства Куусинена; А. Виртанен, перешел на сторону Красной Армии и согласился написать листовки на фронт; Ю. Пусила, пожелал написать обращение к финским солдатам, и др.²³

В числе военнопленных, которые прошли в декабре 1939-го – январе 1940 г. через Петрозаводский приемный пункт пленных, также были те, кто добровольно сдались в плен и начали сотрудничать со следователями: Арви Лимантус, Анти Валтонен, Отто Лейкас, Ялмари Мустонен, Юхо Хуттунен, Отто Суутари, Арво Яко, Арне Кархонен и др. Так, Арне Кархонен, крестьянин-батрак из д. Селкоскюля прихода Суомуссалми, подписал подготовленное письмо, в котором призвал финских солдат с оружием в руках переходить на сторону Народного правительства Финляндии. В письме отмечалось, что Красная Армия идет в Финляндию с целью освободить финский народ от гнета капиталистов и помещиков²⁴.

С помощью таких военнопленных советские политработники готовили письма и обращения к солдатам финской армии, часть из которых затем в виде небольших по формату антивоенных листовок с портретами военнопленных забрасывали в тыл противника²⁵, другую часть – в качестве пропагандистских материалов публиковали в органах печати Териокского правительства. Приведем как пример две типичные листовки:

Финские солдаты приветствуют Народное правительство.

Мы, солдаты финской армии, 12-й отдельной строительной роты, находясь в плену у Красной Армии, узнали о том, что в Финляндии, в г. Териоки создано новое правительство, которое является действительным представителем и выразителем воли трудящихся. Это правительство даст мир финляндскому народу, установит контроль над крупными фабриками и заводами, уничтожит безработицу, голод и нищету трудового народа. Поэтому мы, как и каждый рабочий, крестьянин, солдат Финляндии, приветствуем новое Народное правительство и опубликованную им Декларацию. Мы будем всеми силами помогать ему в осуществлении поставленных им задач.

Урье Торикиака, Калле Лахти²⁶.

Финские солдаты! Спасайте свою жизнь! Прекращайте войну!

Мы, финские солдаты, убедились в том, что офицеры обманывали нас. Нам врали, что Советский Союз хочет захватить Финляндию с целью превратить ее в свою колонию. Нам врали, что Советский Союз разрушает культуру, поработает свободных людей и уничтожает религию. Это все ложь. Мы в этом убедились, попав в плен. Красная Армия приняла нас как братьев. Нам здесь хорошо. Едим сытно, читаем литературу. С нами хорошо обращаются.

Финские солдаты! Кончайте войну! Поверните свое оружие против банды Маннергейма, которая гонит вас на смерть. Силы Красной Армии велики. Сопротивление бесполезно. Если хотите остаться в живых, сдавайтесь в плен! Переходите в Финляндскую народную армию!

Финские солдаты: Яакко Юохо Лоукко-Ярви, Ярл Хейкки Тамменмаа, Лео Юохо Нурмиранта, Кале Матти Аутиниеми, Микко Анти Хуужка, Ээро Абел Пенттинен, Кале Аатама Пекуринен, Арво Писсаки Яакко²⁷.

Вторая листовка была напечатана вместе с фотографией пленных финских солдат.

Советские политические органы пытались использовать финских военнопленных в своих пропагандистских целях и через

радиопередачи на финском языке различных радиостанций. Активно работала радиостанция Народного правительства Финляндии. Только с 1 по 28 января 1940 г. вышло 154 радиопередачи. Уже сам перечень названий радиопередач говорит о желании советской стороны расколоть финляндское общество, найти в нем поддержку правительства Куусинена: «Новый год – год побед!» (1 янв.), «День присяги Народной армии» (2 янв.), «Конституция Финляндии под сапогом реакции» (4 янв.), «Маннергейм – палач финского народа» (4 янв.), «Обращение к солдатам финской армии» (8 янв.), «В освобожденных деревнях Финляндии» (9 янв.), «Куда ведут страну белофинские генералы» (18 янв.) и др.²⁸

По радио неоднократно передавались обращения к финским солдатам членов Народного правительства и руководства Финской народной армии с призывом сложить оружие и прекратить сопротивление Красной Армии. С 15 января 1940 г. практически ежедневно в радиопередачах стали зачитываться письма финских военнопленных.

В период Зимней войны резко увеличилась число и объем передач на финском языке Программа вещания Сектора оборонных передач Ленинградского радиокomiteта. Значительное место в них также отводилось «пропагандистским выступлениям» финских военнопленных. Так, в отчете особой редакции вещания на финском языке при Ленинградском радиокomiteте за 1–19 февраля 1940 г. говорилось: «По радио выступили финские военнопленные Ярвинен и Суоминен. Была организована внестудийная передача из госпиталя военнопленных белофиннов в г. Сестрорецке»²⁹.

Для повышения действенности радиопропаганды часто политические передачи сочетались с музыкальными. Так, 19 января 1940 г. Сектор оборонных передач Ленинградского радиокomiteта транслировал литературно-музыкальный концерт финской музыки, а в паузах этого концерта звучали воззвания финских военнопленных к солдатам и населению Финляндии с призывами сложить оружие и перейти на сторону Красной Армии³⁰.

Серьезное внимание в работе с военнопленными отводилось повышению их политического и культурного уровня.

В Грязовецком лагере, где содержалась основная масса финских военнопленных, у финнов была изъята «шовинистическая литература» и Евангелие. Вместо этого был рекомендован список партийных трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Молотова, Берии, а также произведения классиков мировой и русской литературы – Сервантеса, Гёте, Ж. Верна, Пушкина, Тургенева, Чехова и др.

В. П. Галицкий отмечает следующие направления политической работы в Грязовецком лагере: проведение тематических бесед в соответствии с планами политического отряда лагеря; беседы по текущим вопросам международного и внутреннего положения Советского Союза; распространение литературы на финском языке и ее обсуждение; организация передвижных библиотек; демонстрация кинофильмов с соответствующими пояснениями и комментариями; создание актива военнопленных; целенаправленное и всестороннее изучение военнопленных посредством бесед с ними (групповых и индивидуальных); использование писем и заявлений военнопленных по различным вопросам; пропаганда Финской народной армии и склонение военнопленных к вступлению в ее ряды и т. д.³¹

Однако следует заметить, что политическая и культурная работа среди финских военнопленных велась недостаточно активно и профессионально. Главная причина заключалась в отсутствии необходимого количества политработников, владевших финским языком.

Так, 29 февраля 1940 г. старший инструктор политического отдела УПВИ НКВД СССР батальонный комиссар Лисовский в докладе о результатах проверки политической работы среди финских военнопленных Грязовецкого лагеря отметил необходимость отправить в этот лагерь одного-двух инструкторов со знанием финского языка. О. Куусинен и Т. Антикайнен в своей докладной записке в адрес Бюро военно-политической пропаганды ВКП(б) и в Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) также отмечали неудовлетворительную постановку пропаганды среди финнов в период войны 1939–1940 гг.³² Все эти недостатки в дальнейшем были учтены в политической работе с финскими военнопленными в войне 1941–1944 гг.

Плен для финнов оказался недолгим. Уже в апреле 1940 г. между СССР и Финляндией начался обмен военнопленными.

Несмотря на все усилия советских органов, эффективность идеологической деятельности среди финских военнопленных была весьма низкой. Об этом свидетельствует тот факт, что после многочисленных уговоров остаться в СССР, а иногда и угроз о том, что после возвращения в Финляндию военнопленные будут расстреляны, лишь небольшая часть финнов приняла решение остаться в Советском Союзе. По документам трудно установить точную цифру таких людей. В книге учета Грязовецкого лагеря из 600 финских военнопленных только 14 человек проходили с отметкой «добровольно остался в СССР»³³. И в действительности их вряд ли было немногим больше.

В. П. Галицкий в монографии «Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.)» по этому поводу пишет: «Из всего количества финских военнопленных осталось на постоянное жительство в СССР и приняло советское гражданство 20 граждан Финляндии, из них трое русских по национальности. Среди оставшихся в СССР были следующие финские военнопленные: Суутари Отто Матти, финн, 1910 г. р., приход Салми, служил в отдельном батальоне 2-й роты резерва, в плен попал 8 января 1940 г. в д. Салла; Салминен Вилье-Еханнес, финн, 1915 г. р., пос. Ямя, служил рядовым 6-й роты 62-го полка, попал в плен 28 февраля 1940 г. в районе Перо; Пуссила Юрье Хейкки, финн, 1916 г. р., д. Сипола, служил во 2-й роте 26-го полка, в плен попал 26 февраля 1940 г. в районе Вуоксенранта; Маннонен Леви Микко, финн, 1911 г. р., Выборгская губерния, служил в 7-й роте 31-го полка, в плен попал 12 декабря 1939 г. в районе Муолаа, и др.»³⁴.

С самого начала военных действий большой интерес к финским военнопленным стали проявлять и советские разведорганы. Уже в ходе первых допросов финнов на приемных пунктах военнопленных их сотрудники особое внимание уделяли «классово близким элементам – рабочим и крестьянам», никогда не состоявшим в шюцкоре, Карельском академическом обществе и других, как считали в СССР, антисоветских организациях. У таких лиц выявляли мотивы вступления в финскую армию, настроение, с которым они воевали, имеют ли данные люди родственников в СССР (прежде всего в Карелии) и т. п.

Особым вниманием и доверием спецслужб пользовались те финны, которые добровольно сдались в плен Красной Армии. Как правило, они давали подробную информацию о составе и командовании своих частей, рассказывали о том, кто среди их сослуживцев состоял в шюцкоре и других военизированных формированиях, сообщали и другую полезную для советских органов информацию. Именно среди таких людей велась вербовка агентов.

В последние годы автору монографии удалось познакомиться с некоторыми прежде секретными архивными документами периода Зимней войны. В карельских государственных и ведомственных архивах были обнаружены списки финских военнопленных, которые были завербованы органами НКВД в период Зимней войны, прошли соответствующую разведподготовку в СССР и затем в качестве агентов в 1940–1941 гг. были заброшены на территорию Финляндии.

Однако анализ этих архивных материалов показывает, что эффективность вербовки и работы этих агентов на родине была низкой. Большинство из них либо было арестовано спецорганами Финляндии, либо они сами после переброски в Финляндию добровольно обращались в эти органы, заявляя, что были завербованы НКВД. Многие «агенты» не только давали подробную информацию об их подготовке в разведшколах на территории СССР, раскрывали свои «задания», но и обещали сообщать в соответствующие органы, если на них выйдут «русские шпионы».

Так, Илмари Фагерстрём, член шюцкора, попал в плен в 1939 г., был завербован советскими спецслужбами и в 1940 г. заброшен в Финляндию. Сдался финским властям и обещал помощь в разоблачении русских разведчиков. Суло Ярвинен, будучи в плену в период Зимней войны, дал согласие на сотрудничество с советской разведкой. Однако после переправки в Финляндию в 1940 г. сдался финской полиции, дал сведения о своей вербовке в СССР и обещал помощь в разоблачении «советских шпионов», если они выйдут на него. Тойво Муукка попал в плен в 1939 г. и дал согласие на сотрудничество с советскими спецслужбами. Прошел соответствующую подготовку в спецшколе НКВД и в 1940 г. с общей массой финских военнопленных был возвращен в Финляндию. Но сразу признался финским следователям в том, что является

«русским шпионом», рассказал о процессе вербовки и подготовке в спецшколе и обещал содействовать в раскрытии других советских разведчиков, если они будут искать контакты с ним³⁵.

Вместе с тем автор не исключает тот факт, что некоторые бывшие военнопленные могли не признаться финским властям об их вербовке советскими спецорганами и продолжить свою работу на них уже в период войны 1941–1944 гг. Вполне понятно, что данный материал до сих пор остается секретным.

Финская сторона также пыталась склонить к военному сотрудничеству часть советских военнопленных. По данным российских исследователей, продовольственное снабжение советских военнопленных было весьма скудным (в сравнении с тем рационом, который имели пленные финны в СССР), наблюдались случаи жестокого обращения с пленными, хотя нормы международного права в основном соблюдались³⁶. Эти тяжелые условия существования были главной причиной того, что небольшое количество советских военнопленных встало на путь коллаборационизма.

Впервые идею создания «русской народной армии», которая бы вместе с финнами боролась с Красной Армией, в самом начале советско-финляндской войны высказали представители русских эмигрантских кругов. В прессе Российского общевойскового союза (РОВС) отмечалось, что возникшая «зимняя война» стала поводом для возобновления «нашей общей борьбы» и «явилась одним из наиболее благоприятных для нас случаев и притом в наиболее выгодных для нас условиях»³⁷.

В декабре 1939 г. финское руководство стало получать об этом первые сведения. Так, из финляндского представительства в Таллине в МИД было направлено письменное обращение одного из проживавших в Эстонии людей, входящих «в руководство русских белых». Финские дипломаты не раскрывали фамилию этого человека, но его мысли были представлены весьма подробно. В приложенном к донесению документе советовалось: «В первую очередь в Финляндии надо организовать русскую национальную боевую единицу, которая бы приняла участие в боях на фронте». Причем конкретно рекомендовалось далее обратиться для соответствующей помощи к Русскому общевойсковому

союзу, возглавляемому бывшим генералом А. П. Архангельским, а основу для будущей «армии» создать на базе военнопленных, «которые, несомненно, в более или менее крупных массах будут сдаваться в плен или переходить на сторону антисоветских сил»³⁸.

Несколько позже было подготовлено аналогичное обращение уже к Маннергейму. Его лично составил сам Архангельский. В нем выражалось желание белой эмиграции обсудить вопросы о форме их участия в борьбе против СССР³⁹. Однако первоначально Маннергейм проявлял определенные колебания и, отвечая на это обращение, заявил, что «не видит возможности воспользоваться сделанным предложением», добавив, что «трудно предвидеть, какая возможность для нас может открыться в будущем»⁴⁰.

Скорее всего, позиция Маннергейма объяснялась тем, что в Финляндии хотели бы выяснить отношение западных стран к этому вопросу. Однако русская эмиграция не получала действенной поддержки от Франции и Англии в деле создания каких-либо русских воинских формирований. В эмигрантской прессе в уже середине декабря 1939 г. отмечалось, что «в борьбе против большевизма союзники... не хотят пользоваться русским национальным флагом»⁴¹. На решение Маннергейма могло повлиять и сложившееся в стране мнение о РОВС, который имел собственные отделения в Хельсинки и Выборге, как о весьма радикальной организации.

Но тяжелое положение на фронте привело к изменению позиции и Маннергейма, и финского военного командования. В январе 1940 г. в Финляндии реально приступили к образованию «Русской народной армии», возложив саму работу на финляндское отделение РОВС. Непосредственно ее возглавил советский эмигрант, бывший секретарь Сталина Б. Г. Бажанов⁴². Штаб создаваемой армии решили разместить в Хельсинки, а русским эмигрантам позволили начать соответствующую вербовку, обучение и снаряжение «Русской народной армии». Тогда же приступили и к разработке соответствующих уставов этой «армии». Как вспоминает Б. Г. Бажанов, «наша армия должна была строиться не на советских уставах, а на новых, которые нужно было создавать заново»⁴³.

Более того, в этом же месяце финское военное командование само начало осуществлять вербовку из числа советских военнопленных для образования особого русского подразделения в составе финской армии. 27 января 1940 г. по указанию Генштаба приступили к выпуску два раза в неделю на русском языке газеты «Друг пленных», которую просматривал сам Маннергейм. Началась публикация и других русскоязычных газет для военнопленных⁴⁴.

Однако усилия пропагандистского характера не достигли цели. «Вскоре мы поняли, – отмечал А. Пакаслаhti, – что советские солдаты имели иммунитет к нашей пропаганде... Маршал был поражен этим новым психологическим складом русских»⁴⁵. Сам Бажанов впоследствии вынужден был признать, что все тогда шло «черепашьим шагом»⁴⁶, хотя причину этого руководство РОВС видело в слабой организации печатного дела, которое исходило исключительно из представлений финского руководства⁴⁷.

В результате вся эта работа не принесла весомых результатов. За два месяца в ряды «Русской народной армии» вступило лишь несколько сот советских военнопленных. Точные данные до сих пор не установлены. В работах историков М. И. Семиряги, Н. И. Барышникова, В. Н. Барышникова и Д. Д. Фролова, которые занимались этой проблемой, называются цифры от 152 до 500 человек⁴⁸. Как отмечает Д. Д. Фролов, «большинство военнопленных не сотрудничало с финнами... Они относились настороженно к финской пропаганде или даже не были к ней восприимчивы»⁴⁹.

Кроме того, для создаваемой «армии» практически не удалось завербовать надежных командиров. Поэтому, как вспоминает Б. Г. Бажанов, «я решил взять офицеров из белых эмигрантов»⁵⁰. С этой целью по распоряжению финляндского отдела РОВС в его распоряжение были приписаны все бывшие кадровые офицеры царской армии. При этом Бажанов сразу же столкнулся с рядом трудностей, поскольку прибывшие к нему люди «говорили на разных языках и нужно было немало поработать над офицерами, чтобы они нашли нужный тон и нужные отношения со своими солдатами»⁵¹. Но работа по созданию «Русской народной армии» затянулась, и ее части так и не приняли участия в боях.

Само пребывание финских и советских военнослужащих в плену было недолгим. Согласно мирному договору между СССР и Финляндией от 12.03.1940 предусматривался обмен военнопленными. Была создана Смешанная комиссия по обмену военнопленными между СССР и Финляндией. Правительство СССР в состав этой комиссии включило комбрига Евстигнеева (представитель Красной Армии), капитана госбезопасности П. Сопруненко (начальник УПВИ НКВД СССР) и Г. Тункина (представитель НКВД СССР). Правительство Финляндии в Смешанную комиссию выделило генерала Уно Койстинена (советник миссии), подполковника Матти Тиийайнена (командир Хяменского кавполка) и капитана Арво Виитанена. Основными вопросами, которые должна была решать комиссия, были: порядок передачи военнопленных, наведение справок о пропавших без вести, определение срока передачи тяжело раненых и больных.

С 14 по 28 апреля 1940 г. в г. Выборге состоялось шесть заседаний Смешанной комиссии по обмену военнопленными между СССР и Финляндией. Стороны сделали заявление о количестве военнопленных: в Финляндии, по официальным данным, находилось 5 395 советских военнослужащих, в СССР – 806 финских военнослужащих.

В. П. Галицкий в своей монографии пишет: «...ни Койстинен, ни Евстигнеев не располагали точными сведениями о количестве военнопленных. Уместно будет также напомнить, что в плен финские военнослужащие захватывались Красной Армией и после 12 марта 1940 г. Так, после 12:00 13 марта 1940 г. в районе Таммисуо (около Выборга) было захвачено в плен 10 финских военнослужащих, которые переданы финским представителям 16 апреля 1940 г. О данном факте докладывалось начальнику Генерального штаба РККА командарму 1-го ранга Шапошникову». И далее В. П. Галицкий делает вывод, что всего было пленено военнослужащих финской армии 876 человек, а военнослужащих советской армии – 6 116 человек. Данные расхождения (в числе плененных. – С. В.) можно объяснить плохим учетом плененных и несвоевременным сообщением сводных данных членам Смешанной комиссии⁵².

Были также составлены списки раненых и больных (советских военнопленных – 170; финских – 53), которых передающая сторона обязывалась доставлять своими средствами до вагонов принимающей стороны. Первый обмен военнопленными состоялся 17 апреля 1940 г. на границе СССР и Финляндии в районе станции Вайниккала⁵³.

Как отмечает В. П. Галицкий, порядок обмена военнопленными был следующим: военнопленные сводились в группы по 400–1000 человек и доставлялись в район Выборга (в основном передача осуществлялась на железнодорожной станции Вайниккала). Финские военнопленные из приемных пунктов и лагерей направлялись сначала или в Грязовецкий лагерь, или непосредственно на сборный пункт в районе г. Выборга. Перевозка осуществлялась по заявкам председателя советской комиссии комбрига Евстигнеева. Так, начальнику 3-го отдела штаба АВО комбригу Тулупову была направлена телеграмма-молния следующего содержания: «Прошу перевести 600 человек пленных финнов из лагеря военнопленных в Грязовец. Эшелон подать на станцию Грязовец Северной железной дороги из расчета, что он к 9:00 20 апреля 1940 г. должен быть на черте границы у станции Вайниккала на железной дороге Выборг – Симола. Эшелон конвоем и продовольствием будет обеспечен лагерем военнопленных НКВД»⁵⁴.

Рассредоточенность лагерей и приемных пунктов военнопленных на значительной территории северо-западной части СССР, в которых содержались финские военнопленные небольшими группами до середины марта 1940 г., потребовало их предварительного сосредоточения в двух-трех местах для удобства доставки в пункты передачи. В некоторых случаях финские военнопленные направлялись в пункты обмена непосредственно из приемных пунктов. Так, 16 апреля 1940 г. из Сестрорецкого приемного пункта было передано представителю финской армии Вайнюля 107 финских военнопленных (офицер – 1, младших сержантов – 7, капралов – 8, летчик-практикант – 1, рядовых – 90)⁵⁵.

Передача основной массы военнопленных осуществлялась 16, 20 и 26 апреля 1940 г.: непосредственно обмен проводился с советской стороны уполномоченными капитаном М. П. Зверевым и старшим политруком Н. Г. Шумиловым,

с финской стороны – уполномоченным майором Вяйнё Вяйнёля. Но передача финских военнопленных происходила и в начале мая 1940 г. Так, 6 мая 1940 г. из Петрозаводска в Выборг было направлено семь финских военнослужащих, которые в период войны получили ранения и прошли лечение в петрозаводских госпиталях (из них: 1 офицер и 6 солдат)⁵⁶.

Благодаря взаимопониманию и хорошей слаженной работе всех членов советско-финляндской комиссии обмен военнопленных был осуществлен в течение одного месяца (16 апреля – 10 мая 1940 г.), что уменьшило время страданий финских и советских военнослужащих в плену⁵⁷. На родину было возвращено 847 финских военнопленных и 5 572 советских военнопленных⁵⁸.

Рассматривая проблему коллаборационизма в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в контексте военнопленных, на основе имеющегося материала можно отметить, что попытка советских политических и разведорганов использовать финских военнопленных в своих целях не принесла ожидаемых результатов. Точно так же не увенчались успехом усилия финского командования по созданию на базе советских военнопленных «Русской освободительной армии».

Наряду с попытками привлечь на свою сторону финских военнопленных советские власти старались склонить к сотрудничеству и финское гражданское население. Как отмечалось выше, в период Зимней войны на оккупированной части территории Восточной Финляндии оказалось чуть более 2 тыс. финских граждан. Советское правительство попыталось использовать их прежде всего в политических и идеологических целях, создавая из них комитеты трудового народного фронта для поддержки правительства О. В. Куусинена⁵⁹. Вместе с тем в условиях войны, когда на оккупированной территории не были сформированы органы местной власти, комитеты трудового народного фронта, кроме идеологических функций, выполняли и хозяйственные: организовывали охрану бесхозного скота и брошенного имущества, восстанавливали торговлю, создавали бригады по ремонту дорог и др.

Но события на фронте разворачивались совсем не так, как на это рассчитывало советское руководство. К концу декабря 1939 г. наступление Красной Армии приостановилось.

Правительство Куусинена и созданная ему в помощь Финская народная армия не нашли поддержки в финском обществе. Потерпев неудачу в осуществлении своих планов и готовясь к новому наступлению, которое началось 11 февраля 1940 г., руководство страны и командование Красной Армии стремятся обезопасить свои тылы, предупредить возможную утечку информации о предстоящей военной операции. Для этого Ставка Главвоенсовета РККА принимает решение об интернировании финских граждан из районов их проживания, занятых частями 8, 9 и 15-й армий, вглубь территории Карелии, подальше от госграницы⁶⁰.

Во второй половине февраля 1940 г. с территории Финляндии на территорию Советской Карелии было выслено 2 080 человек, из них мужчин – 402, женщин – 583, детей до 16 лет – 1095. Их разместили в трех населенных пунктах Карелии (Интерпоселок Пряжинского района, Кавгора-Гоймас Кондопожского района и Кинтезьма Калевальского района)⁶¹.

Вопросы жизни интернированных финнов в спецпоселках на территории Карелии, а также их возвращение на родину нашли отражение в статьях С. Г. Веригина и Э. П. Лайдинена, а также в их совместной с финским исследователем Ю. Кямярйненом монографии «Заложники Зимней войны: (интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 годов)»⁶². Но данная тема, в том числе и вопросы проявления коллаборационизма среди финских граждан на территории Карелии, требует дальнейшего изучения.

Анализ архивных материалов из ведомственных архивов Республики Карелия показывает, что советские власти пытались склонить финских граждан не только к политическому и хозяйственному, но и к военному сотрудничеству. Над ними был установлен строгий контроль со стороны органов НКВД. Для этого ведомства одной из важнейших задач, кроме поиска шпионов, антисоветчиков и прочих врагов советской власти, была еще одна задача – вербовка агентуры среди интернированных финнов с целью их дальнейшего направления в Финляндию. Однако первоначально агентуры было мало. Так, 28 февраля 1940 г., критикуя положение с интернированными финнами в Калевальском

районе, нарком внутренних дел КАССР М. И. Баскаков приказал начальнику РО НКВД С. А. Хитрову немедленно приступить к развертыванию агентурной работы в поселке Кинтезьма⁶³.

Интересно отметить, что данную работу осуществляли не только сотрудники НКВД, но и пограничники. При этом первоначально возникли некоторые противоречия между Калевальским районным отделением НКВД и Ухтинским (Калевальским) пограничным отрядом. Дело в том, что разведывательный отдел Калевальского погранотряда начал эту работу раньше НКВД, и к моменту издания приказа М. И. Баскакова от 28.02.1940 уже имел 16 агентов среди финских граждан, которых не передал на связь территориальному органу НКВД, а оставил себе и работал с ними вплоть до их выезда на родину⁶⁴.

Однако сотрудник Калевальского РО НКВД сержант госбезопасности Канноев быстро исправил положение. Уже к 6 марта 1940 г. он завербовал первого агента среди интернированных финнов, а к 8 апреля 1940 г. Калевальское райотделение НКВД уже привлекло к сотрудничеству по крайней мере 8 агентов из числа интернированных финнов (Киви, Корхонен, Хакка, Сеппянен, Вилхо, Хела, Юнтунен, Окунь)⁶⁵. Вербовку проводили и другие районные отделения НКВД Карелии. Однако трудно выявить – сколько было завербовано интернированных финнов на территории Карелии в период и сразу после окончания Зимней войны и сколько из них продолжили свою агентурную деятельность уже в Финляндии. Это, вероятно, навсегда останется тайной: ни одна спецслужба мира не раскрывает своих агентов.

После окончания Зимней войны СССР вернул в Финляндию 2 389 человек, их них: 1 757 жителей Суоярвской коммуны, 305 из Петсамо (в настоящее время Печенга), 254 жителя коммуны Суомуссалми и 73 человека с Карельского перешейка и островов Финского залива⁶⁶. Все возвращающиеся из СССР на родину финны проходили проверку в специальных карантинных лагерях. В них врачи выясняли состояние их здоровья, лечили и откармливали после перенесенной тяжелой зимы. Карантин держался две недели, так как власти боялись, что вернувшиеся на родину финны могли привезти с собой эпидемические болезни. Кроме того, у государственной полиции была прекрасная возможность

допросить всех прибывших взрослых и выяснить все обстоятельства их пребывания на советской земле. Сотрудники государственной полиции в ходе допросов старались выявить лица, которые сотрудничали в ходе Зимней войны с советскими органами: служили в Финской народной армии, работали в комитетах народного трудового фронта или были завербованы советской разведкой или НКВД для ведения шпионской деятельности.

По результатам проверок никого из Петсамо и с островов Финского залива не привлекли к ответственности, из Суоярвского прихода только четырех человек привлекли к уголовной ответственности за государственную измену, а вот из числа жителей Суомуссалми были задержаны 27 человек по подозрению в совершении государственной измены. Это говорит о том, что каждый шестой взрослый из вернувшихся жителей коммуны Суомуссалми был обвинен в сотрудничестве с советскими властями.

Начались судебные процессы. Все задержанные жители Суомуссалминского прихода после допросов в карантинном лагере в Миеслахти в июле – августе 1940 г. были осуждены уездным судом Хюрюнсальми за совершение государственной измены и приговорены к различным срокам лишения свободы.

За что были осуждены финские граждане? Как выяснил финляндский исследователь Ю. Кямряйнен, 13 человек обвиняли за вступление в Финскую народную армию: «вступил в ряды так называемой Финской народной армии, зная, что указанная армия является воинским подразделением противника», 10 человек были осуждены за другие формы государственной измены, под которыми подразумевалось оказание помощи РККА в качестве проводника, сбор оружия и передача его противнику. Некоторым гражданам были предъявлены обвинения за оказание помощи противнику (работа продавцом в магазине, открытом РККА в Юнтусранта, подписание пропагандистских листовок и др.). Только один был осужден за то, что он с оружием в руках участвовал в боях против финских войск в составе народной армии. Еще одного осудили за шпионаж в пользу русских⁶⁷.

Причину столь высокого процента сотрудничества населения д. Рухтинансалми коммуны Суомуссалми с советскими властями

следует искать в экономической и политической ситуации в коммуне. Население Суомуссалми в основном занималось сельским и лесным хозяйством. Хутора чаще всего были небольшими, поэтому получаемый от лесных работ дополнительный приработок был очень важным подспорьем в жизни местного населения. В то же время низкие заработки на лесозаготовках рабочие считали несправедливыми, что способствовало росту в коммуне ненависти к богатым и развитию социалистических идей⁶⁸.

Так называемый лесной коммунизм (коммунизм глухих деревень – *korpi-kommunismi*) был влиятельной силой в 1920–1930-е гг. в провинции Кайнуу. Накануне Зимней войны часть населения Суомуссалми придерживалась левых взглядов. На проходивших в 1939 г. парламентских выборах 39 % населения Суомуссалми проголосовало за социал-демократическую партию, за которую проголосовали и коммунисты, так как коммунистические партии не были допущены к выборам (Коммунистическая партия Финляндии – КПФ – была запрещена. – С. В.).

В 1920-е гг. у КПФ одним из основных пунктов вывода людей в СССР была д. Рухтинансалми этой коммуны, жители которой помогали перебежчикам переходить госграницу. И массированное наступление РККА в Зимней войне именно через Кайнуу, по мнению отдельных финских ученых (Р. Хейккинен, М. Лакман и др.), было связано с крепкими позициями, которые там занимали крайне левые. Советское руководство, вероятно, надеялось на помощь населения Кайнуу⁶⁹. Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что советские власти рассчитывали на проявление коллаборационизма со стороны части финского населения в период Зимней войны, прежде всего тех жителей, которые проживали в северной части Финляндии.

В конечном итоге финские власти в ходе и после окончания Зимней войны привлекли к судебной ответственности за сотрудничество с советскими властями 45 жителей коммуны Суомуссалми: шесть человек были приговорены к высшей мере наказания (приговоры были приведены в исполнение), остальных приговорили к лишению свободы от 5 до 12 лет⁷⁰.

Анализ ситуации с населением финской коммуны Суомуссалми в период и после окончания Зимней войны, оказавшегося

на территории СССР и затем вернувшегося в Финляндию, еще раз доказывает, что для проявления коллаборационизма не в единичных, а в более значительных масштабах необходима определенная социальная и идеологическая база, которая и существовала в этой коммуне накануне Зимней войны.

¹ По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944 : док. и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 45.

² Родина. 1995. № 12. С. 99; Международная встреча-конференция историков, политологов и общественных деятелей России и Германии «Эра примирения». Петрозаводск, 1995; и др.

³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1395. Л. 235.

⁴ Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997. С. 21.

⁵ См. подробнее об этом: *Pietola E. Sotavangit Suomessa, 1941–1944. Juväskylä, 1987.*

⁶ Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). С. 29.

⁷ Родина. 1995. № 12. С. 99.

⁸ Центр хранения историко-документальной коллекции (далее – ЦХИДК). Ф. 1е. Оп. 3. Д. 3. Л. 49; Родина. 1995. № 12. С. 99.

⁹ Подсчитано по данным: Архив Министерства внутренних дел Республики Карелия (далее – Архив МВД РК). Д. 1, 1/1, 2. Т. 1, 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Из воспоминаний Тадеуса Сарримо «В плену в России», предоставленных финским историком Тимо Мальми. Цит. по: Родина. 1995. № 12. С. 100.

¹² Там же.

¹³ Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). С. 107.

¹⁴ Подсчитано по данным: Архив МВД РК. Особые папки. Д. 1, 1/1, 2. Т. 1, 2.

¹⁵ Там же. Д. 1/1. Т. 1. Л. 6–8.

¹⁶ Там же. Л. 19.

- ¹⁷ Подсчитано по данным: Архив МВД РК. Особые папки. Д. 2. Т. 1. Л. 12, 61, 63.
- ¹⁸ *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). С. 107.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 522. Оп. 1. Д. 47. Л. 4–31.
- ²¹ Там же. Л. 8.
- ²² Там же. Л. 70.
- ²³ Там же. Л. 14–58.
- ²⁴ Архив МВД РК. Д. 1/1. Т. 1. Л. 44–67.
- ²⁵ НА РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278. Л. 18–19.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов (далее – ЦГАИПД). Ф. 24. Оп. 26. Д. 4327. Л. 154–155.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 33. Л. 1–14.
- ²⁹ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 28. Д. 943. Л. 7–10.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 3. Л. 15.
- ³¹ *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). С. 112.
- ³² Там же. С. 114.
- ³³ Родина. 1995. № 12. С. 101.
- ³⁴ *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). С. 67.
- ³⁵ НА РК. Ф. 287. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 4–165.
- ³⁶ Зимняя война, 1939–1940 : политическая история. Кн. 1. М., 1999. С. 326.
- ³⁷ «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...» : РОВС об уроках «Зимней войны» : (из Бахметьевского архива Колумбийского университета США) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 321.
- ³⁸ Цит. по: *Барышников Н. И.* Финляндия : из истории военного времени, 1939–1944. СПб., 2010. С. 352.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...». С. 323; Чему свидетели мы были... : переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940 : сб. док. Кн. 2. М., 1998. С. 273.

- ⁴¹ Чему свидетели мы были... С. 264.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Цит. по: *Соколов Б. В.* Тайны финской войны. М., 2000. С. 236.
- ⁴⁴ *Барышников Н. И.* Финляндия : из истории военного времени, 1939–1944. С. 355.
- ⁴⁵ Цит. по: Там же. С. 356.
- ⁴⁶ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997. С. 222.
- ⁴⁷ «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...». С. 331.
- ⁴⁸ *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992. С. 185; *Барышников Н. И.* Финляндия : из истории военного времени, 1939–1944. С. 357; *Барышников Н. И.* Об идее эмигрантского правительства в Карелии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Советско-финляндская война 1939–1940 гг. : материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–17 марта 2002 г.). Петрозаводск, 2002. С. 34; *Фролов Д. Д.* Из истории зимней войны 1939–1940 гг. : сб. док. Петрозаводск, 1999. С. 16–17.
- ⁴⁹ *Фролов Д. Д.* Из истории зимней войны 1939–1940 гг. С. 14.
- ⁵⁰ Цит. по: *Соколов Б. В.* Тайны финской войны. С. 236.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). С. 57–58.
- ⁵³ Родина. 1995. № 12. С. 104.
- ⁵⁴ *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). С. 62–63.
- ⁵⁵ Там же. С. 63–64.
- ⁵⁶ Архив МВД РК. Особые папки. Д. 1/1. Т. 2. Л. 28.
- ⁵⁷ *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). С. 64.
- ⁵⁸ Зимняя война 1939–1940 : политическая история. Кн. 1. С. 326.
- ⁵⁹ Правительство было сформировано в г. Териоки (ныне Зеленогорск) из находившихся в СССР финских эмигрантов-революционеров.
- ⁶⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 35. П/ф. 20. Оп. 1. Д. 66. Л. 66–69.
- ⁶¹ Там же. Ф. 35. П/ф. 20. Д. 66. Л. 72; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямряйнен Ю.* Заложники Зимней войны : (интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 годов). Петрозаводск ; Йоэнсуу ; Суомуссалми, 2004. С. 80.

⁶² *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Интернированные финны // Север. 1995. С. 91–102; *Веригин С. Г.* Зимняя война : неизвестные страницы // Север. 1993. № 6. С. 118–131; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны...

⁶³ Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 2. Ч. 4. Л. 1.

⁶⁴ Там же. ФКРО. Оп. 1. Д. 66. Л. 33.

⁶⁵ Там же. Л. 35–37; 48; 117–118.

⁶⁶ *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний : политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1940 гг. Петрозаводск, 2009. С. 126.

⁶⁷ Цит. по: *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны... С. 150.

⁶⁸ 105 päivää – Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939–1940. Kajaani, 1990. S. 72; *Heikkinen R., Lackman M.* Korpikansan kintereillä. Kainuun työväenliikkeen historia. Kainuun työväenliikkeen historiatoimikunta, 1986. S. 100–109.

⁶⁹ *Heikkinen R., Lackman M.* Korpikansan kintereillä. S. 352.

⁷⁰ Цит. по: *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямярйнен Ю.* Заложники Зимней войны... С. 158.

ГЛАВА 2

Военный коллаборационизм на территории Карелии в период Великой Отечественной войны (1941–1944)

Военная коллаборация на территории Карелии и Финляндии в годы Великой Отечественной войны имела более широкое распространение, чем в период Зимней войны. В 1941–1944 гг. финские власти по инициативе, в первую очередь, военной разведки и националистов сформировали ряд воинских подразделений по национальному признаку: тюрские, эстонский и др. Еще раз повторим, что для ведения боевых действий на северо-западе СССР финская сторона особое внимание придавала привлечению в свою армию карелов, вепсов и финнов-ингерманландцев, что должно было придать процессу завоевания Восточной Карелии, по мнению финского командования, печать освободительной борьбы финно-угорских народов против власти большевиков.

Как правило, эти люди служили в «Отделении К» (Osasto K) или в бригаде Кууссаари (Prakaati Kuussaari) под командованием подполковника Э. Кууссаари, в 4-м отдельном батальоне (4 erillinen pataljoona), 6-м отдельном батальоне соплеменников (6 erillinen heimopataljoona), других частях. Численность их была различной. Так, по архивным документам из фондов ведомственных архивов Карелии, в 6-м отдельном батальоне служило 2 500 финнов-ингерманландцев¹. Батальон был сформирован немцами в феврале 1942 г. в составе четырех рот по 170 человек (680 человек) для охраны железной дороги, в декабре 1943 г. переброшен в Финляндию (https://fi.wikipedia.org/wiki/Erillinen_pataljoona_6).

Еще до начала военных действий Финляндии против СССР приказом от 23.06.1941 главнокомандующий финской армией К. Маннергейм объявил о мобилизации проживавших в Финляндии ингерманландцев, олонецких и беломорских карелов, а также финнов – участников так называемых

племенных войн. Так были сформированы Беломорский (Виэнан) и Олонецкий (Аунуксен) батальоны соплеменников. Вместе с некоторыми другими подразделениями они вошли в состав Олонецкой оборонительной бригады (бригада Кууссаари) под командованием подполковника Э. Кууссаари² (https://fi.wikipedia.org/wiki/Prikaati_K).

В составе финских войск Олонецкая оборонительная бригада в августе 1941 г. вела наступление на Поросозерском направлении. В начале октября 1941 г. бригаду перевели в уже оккупированный Петрозаводск, при этом Беломорский (Виэнан) батальон под командованием Кууссаари был отделен от бригады и направлен на север через г. Каяни на Ухтинское направление. По прибытии в занятый финнами Петрозаводск воинские подразделения Олонецкой бригады были размещены в центральных казармах оккупированного города на ул. Гоголя. По архивным данным из фондов Архива УФСБ РФ по РК, общая численность бригады составляла около 3 тыс. человек³. Но следует иметь в виду, что эти цифры приводятся в документах НКВД КФСР по информации, добытой зафронтовыми разведчиками, подпольщиками и партизанами, и являются неполными и приблизительными. Более точные данные о бригаде содержатся в финских источниках, по которым на момент ее формирования численность составляла 1 324 человека. И вряд ли она стала больше в 2 раза после боев, в которых к октябрю 1941 г. выбыло 389 человек, в том числе 81 был убит (https://fi.wikipedia.org/wiki/Prikaati_K).

Также из документов карельских ведомственных архивов следует, что в октябре 1942 г. Олонецкая бригада была расформирована и из ее состава выделили батальон, состоявший преимущественно из карелов. Его переименовали в 3-й Хеймобатальон (батальон соплеменников). В состав батальона были включены также представители местного финно-угорского населения из числа военнопленных⁴. Кроме того, в батальон добровольно вступали и граждане родственных финнам национальностей, проживавшие на оккупированной территории Карелии.

По финским источникам, 3-й батальон соплеменников не имел отношения к бригаде Кууссаари, он был сформирован 12 ноября 1942 г. самостоятельно из советских военнопленных

финно-угорского происхождения численностью 1 070 человек, из них: ингерманландцев – 423; олонечских карелов – 380; тверских карелов – 101; беломорских карелов – 94; финнов-добровольцев – 30; вепсов – 24; других национальностей – 18 (https://fi.wikipedia.org/wiki/Heimopataljoona_3).

По мнению финского командования, 3-й Хеймобатальон должен был воевать за освобождение «соплеменников», вдохновлять жителей Карелии на борьбу против СССР или хотя бы расположить местное население к финской армии. Как отмечает финский исследователь Хельге Сеппяля, его численность при формировании была, по одним данным, 1 070 человек, по другим – 1 115 человек, из которых 837 служили в Красной Армии. По советским законам бойцов батальона считали предателями, и всех их ждала смертная казнь или длительные сроки заключения⁵.

По архивным документам, хранящимся в архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (архив УФСБ РФ по РК), следует, что общая численность батальона составляла 1100–1200 человек. Батальон имел в своем составе три пехотные роты, каждая численностью около 200 человек, пулеметную и минометную роты, штабную роту, взвод связи и специальную запасную роту численностью до 100 человек⁶.

Интересные данные о 3-м батальоне соплеменников содержатся в Национальном архиве Республики Карелия (фонд 804 «Военного управления Восточной Карелии»). К сожалению, до последнего времени эти материалы, представленные на финском языке, не были исследованы ни российскими, ни финляндскими историками и не введены в научный оборот.

Из них, в частности, следует, что добровольцы 3-го Хеймобатальона, бывшие советские граждане финно-угорских национальностей, получали ежемесячную зарплату. Расценки были следующие: помощник командира батальона – 1 400 финских марок; помощник командира роты и командир взвода – 1 тыс. марок; зам. командира взвода – 600 марок; рядовой состав – 600 марок⁷. Приказом министра обороны Финляндии родственникам добровольцев 3-го Хеймобатальона начиная с 1 февраля 1943 г. также выплачивалось ежемесячное содержание. Это

содержание получали жены добровольцев и их дети младше 17 лет. Содержание увеличивалось, если детей было больше одного: на второго ребенка доплачивалось 200 финских марок, на последующих – по 150 марок⁸.

Кроме того, нетрудоспособные родители и родственники добровольцев 3-го Хеймобатальона, находившиеся на их иждивении, ежемесячно получали денежное пособие (huoltorahat) в размере 250 финских марок. Так, например, в марте 1943 г. ВУВК положительно отреагировало на заявление солдата Ристо (Григория) Леппоева о выплате его бабушке Марии Леппоевой, проживавшей в г. Петрозаводске на ул. Неглинской, ежемесячного пособия в сумме 250 марок. Финансовый отдел ВУВК, производивший данные выплаты, был завален заявлениями о выплате пособий: Пааво Коппалеву (д. Ниemenкюля в Виельярви (Ведлозеро)), Татьяне Зайцевой (д. Ламминселькя в Виельярви), Анне Егоровой (д. Пихтиляхлаhti в Виельярви), Анне Ивановой (д. Калаякко в Виельярви) и др.⁹

Хотя в батальон отбирали людей, заслуживавших доверия финских властей, их надежность проверялась в особом лагере Ахонлахти (район г. Савонлинна), где финская военная контрразведка внедрила в батальон своих людей. Уже там выявилось несколько офицеров, которые намеревались перейти на советскую сторону или уйти в партизаны в тылу финнов. Их отправили обратно в лагерь для военнопленных.

В течение четырех месяцев (с ноября 1942-го по февраль 1943 г.) личный состав батальона занимался строевой, боевой и тактической подготовкой. Все участники батальона подписывали обязательства добровольцев следующего содержания: «Я, (фамилия, имя, отчество), добровольно вступая в финскую армию, обязуюсь честно и добросовестно служить финскому правительству в его борьбе против советской власти и большевизма. За нарушения дисциплины буду привлечен к ответственности»¹⁰.

Из числа военнопленных-добровольцев командные должности в батальоне занимали четыре человека: Хямеляйнен, бывший командир Красной Армии, командир хозяйственного взвода штабной роты; Федулов, бывший командир Красной Армии, командир взвода 2-й роты; Мартынов, бывший лейтенант Балтийского

флота, командир взвода 3-й роты, и Пастухов, бывший лейтенант Красной Армии, командир 4-го взвода 1-й роты¹¹.

В начале мая 1943 г. 3-й батальон соплеменников был переодет в форму финской армии (до этого форма была смешанной – английская и финская старого образца), переброшен на Карельский перешеек и через три недели отправлен на передовую. В течение всего существования на нем лежала печать недоверия со стороны финского командования. Было немало случаев перехода части бойцов на сторону Красной Армии, побегов за линию фронта¹².

Так, в сентябре 1943 г., когда батальон находился на передовой в районе озера Лемболово (Карельский перешеек), в 1-й стрелковой роте был раскрыт заговор группы солдат, готовивших массовый переход бойцов батальона на советскую сторону. По плану заговорщики должны были по возможности уничтожить офицерский состав батальона, взорвать оборонительные сооружения, захватить оружие и наиболее антисоветски настроенных солдат и перейти на сторону Красной Армии. Заговором руководил бывший майор Красной Армии Микко Никконен (Михаил Никитин). Но заговор был раскрыт финской контрразведкой, благодаря предательству одного из участников заговора, в момент подготовки взрыва оборонительных сооружений. В результате из состава 1-й роты были арестованы 64 человека, произведены аресты и в других подразделениях. Все арестованные были направлены в Выборг, откуда в батальон возвратился только один – помощник командира 2-го взвода 2-й роты Михаил Лебедев, назначенный после возвращения командиром 2-го взвода. Советская военная разведка, имея информацию об этом неудавшемся заговоре, сделала вывод, что Лебедев являлся агентом финской контрразведки и провокатором, выдавшим заговорщиков¹³.

В связи с раскрытием заговора и массовыми арестами 24 сентября 1943 г. батальон был переведен с передовой линии фронта в тыл, переукомплектован и использовался на строительстве оборонительных сооружений и заготовке леса в районе Термоллово. Но 22 мая 1944 г. вновь выдвинут на передний край финской обороны в районе Охты, юго-западнее оз. Лемболово. Летом 1944 г. батальон принимал активное участие в боевых действиях, отступая с боями до Вуокса-Сувантовской водной системы.

По документам карельских ведомственных архивов, за хорошую службу и упорство в боях батальон был переименован в 3-й отдельный героический добровольческий батальон (по финским данным, переименования не было), 22 человека из его состава были награждены «Медалью Свободы». К началу августа 1944 г. батальон, понесший в боях с частями Красной Армии тяжелые потери, получил пополнение за счет новых вербовок в лагерях военнопленных и передан в оперативное подчинение командиру 2-й пехотной дивизии финской армии¹⁴.

В конце войны с Финляндией 29 августа 1944 г. в лесу юго-западнее Тарпила на Карельском перешейке были обнаружены зарытые в землю и замаскированные дерном два ящика с документами штаба 3-го батальона соплеменников. В руки советского командования попали практически все списки офицерского и рядового состава батальона. Эти документы, а также показания арестованных бойцов 3-го Хеймобатальона стали впоследствии основанием для поиска и возвращения в СССР его участников¹⁵.

После заключения перемирия между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 г. 3-й Хеймобатальон командованием финской армии был направлен на север Финляндии с тем, чтобы принять участие в изгнании находившихся там немецких войск. Однако в боях с немцами батальон использован не был, так как еще с этапа по требованию советских властей был возвращен в Выборг (в Раахе) и затем доставлен в СССР¹⁶. Из 650 человек более 450 бежали по дороге с поезда, в Швецию перебралось по меньшей мере 172 из них (https://fi.wikipedia.org/wiki/Heimopataljoona_3).

Союзная контрольная комиссия, прибыв после перемирия осенью 1944 г. в Финляндию, приступила к сбору данных и поиску уехавших из Советского Союза карелов и ингерманландцев для отправки их на родину. Прежде всего искали тех, кто с оружием в руках воевал на стороне Финляндии против своей страны. Это возвращение превратилось в большую и длительную операцию – с 1944-го по 1953 г. Всего СССР было передано около 2 тыс. человек. Только небольшая часть при помощи финской разведки бежала в Швецию.

Трагично сложилась судьба этих людей на Родине. Финнов-ингерманландцев, олонецких и тверских карелов, которые

служили в 6-м отдельном батальоне, после передачи в СССР осудили по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине) к 10–25 годам лишения свободы. Такая же участь постигла карелов и ингерманландцев из 3-го батальона соплеменников. Всего было арестовано и осуждено около 400 бойцов этого батальона¹⁷. После отбывания наказания оставшиеся в живых вернулись на места своего прежнего проживания, в том числе и в Карелию.

Составной частью военной коллаборации являлось сотрудничество части советских военнослужащих с финскими оккупационными властями в сфере разведки и контрразведки.

Финляндия, начиная военные действия против СССР в конце июня 1941 г., рассчитывала на быструю победу в «молниеносной войне». Однако эти планы провалились, и к началу декабря 1941 г. линия советско-финляндского фронта стабилизировалась и оставалась практически неизменной до июня 1944 г. Началась позиционная война, в которой финскому военно-политическому руководству постоянно требовались новые сведения о Красной Армии и ее планах. Для этого в конце 1941-го – начале 1942 г. на территории Финляндии и в оккупированных районах Советской Карелии финская и германская разведки создали шесть разведывательных школ: в Петрозаводске (2 школы), Медвежьегорске, Савонлинне, Рованиеми и Суомуссалми.

Самой крупной была Петрозаводская школа финской разведки, которая появилась в конце 1941-го – начале 1942 г. и с 1943 г. действовала под прикрытием полка Северного отделения «Русской освободительной армии» (РОА). Опасаясь нападения подразделений советских спецслужб, в целях конспирации она неоднократно меняла место своей дислокации. В 1942 г. школа была переведена из Петрозаводска в населенные пункты Пряжинского района, расположенные на западном берегу озера Шотозеро: деревни Уялега, Курьяла, Мийнала и Каменный Наволок. В ноябре 1943 г. школа переехала в Финляндию, где действовала с перерывами в м. Роуколахти, Савитайпале до июля 1944 г.

Командный состав школы в основном был укомплектован из советских военнопленных, хотя ключевые должности в разведшколе занимали финны. Слушатели и преподаватели школы значились в ее списках под псевдонимами. Руководителем

разведшколы являлся капитан финской армии Музика, он же Карпела. Настоящее имя – Борис Карпов, по национальности карел, уроженец д. Святнаволок Кондопожского района Карелии. Вместе с отцом, участником антисоветских восстаний начала 1920-х гг., Карпов бежал в Финляндию. До войны учился на медицинском факультете Хельсинкского университета. Владел русским, финским и немецким языками.

Личным адъютантом Карпова стал его двоюродный брат Иван Карпов, красноармеец, перешедший на сторону финнов на Свирском участке фронта. Он был уроженцем д. Сопоха Кондопожского района Советской Карелии¹⁸.

Среди преподавателей Петрозаводской разведшколы следует выделить бывшего майора Красной Армии, командира 1-го разведполка Северного отделения РОА (армии Власова) Александра Владимировича Владиславлева (псевдоним – Владимиров). Должности других преподавателей занимали бывшие капитаны и лейтенанты Красной Армии¹⁹. Так, в 1943 г. бывший лейтенант РККА Шульгин был назначен преподавателем тактики РККА, Сердюков преподавал спецдисциплины, Ландышев читал лекции по теме «Методы работы советской контрразведки» и т. д. В качестве слушателей Петрозаводской разведшколы финской разведки выступали советские военнопленные, вставшие на путь сотрудничества с финскими оккупационными властями.

Подготовка разведчиков началась в мае – июне 1942 г., на курсах готовили одновременно до 20 агентов. В сентябре 1943 г. состоялся первый выпуск разведчиков-радиотов в количестве 30 человек. Часть из них сразу была заброшена в тыл Красной Армии. Выпуск разведчиков был замаскирован под выпуск офицеров РОА, поэтому выпускникам была зачитана телеграмма генерала Власова, который «приветствовал новое пополнение офицеров РОА»²⁰. Всего, по разным данным, только в одной Петрозаводской разведшколе в период ее существования было подготовлено от 80 до 300 агентов²¹.

К 1943 г. финская разведка «умело» перевела Петрозаводскую разведшколу под руководство советских военнопленных, которые входили в состав «Русской освободительной армии». По воспоминаниям очевидцев, в конце апреля 1943 г. А. В. Владиславлев (Владимиров) выехал из Петрозаводской разведшколы в г. Смоленск, в штаб генерала Власова и вернулся обратно

примерно через три недели. По возвращении он собрал преподавательский состав и заявил, что разведшкола входит в первый разведывательный полк «Северного рога РОА имени генерала Власова», командиром которого назначен он – Владимиров. На этой же встрече он зачитал приказ о присвоении званий преподавательскому составу Петрозаводской разведшколы. Владимиров являлся начальником указанного полка финской разведшколы от русского командования РОА, а от финского командования начальником разведшколы был майор Петерсон (Р. Раски), которому Владимиров подчинялся. Необходимо отметить, что к этому время разведшкола уже переехала из Петрозаводска в д. Улялега.

Таким образом, финны осуществляли только общее руководство разведшколой, формально переподчинив ее генералу Власову и РОА с присвоением школе статуса разведывательного полка «Северного рога имени генерала Власова»²².

Следует отметить, что преподаватели Петрозаводской разведшколы, подобранные финнами из числа советских военнопленных, были достаточно образованными людьми, многие являлись офицерами Красной Армии. Волею судьбы они оказались в плену в первый год войны, и, судя по архивным документам, их объединяло одно общее обстоятельство – неприятие сталинского режима. Назовем хотя бы некоторых руководителей и преподавателей Петрозаводской разведывательной школы.

Николай Семенович Абудихин (Ободихин), он же Тихон Таранцев, украинец, младший лейтенант РККА, командир артподразделения 115-й СД, капитан армии Власова, окончил Петрозаводскую разведшколу 1 мая 1943 г., оставлен преподавателем в школе, преподавал практические занятия по специальному делу, находился в школе до последнего времени ее существования, после чего был направлен на сельхозработы в Финляндию²³.

Гавриил Михайлович Овсянников, русский, бывший лейтенант РККА, связист, командир роты связи, служил на Мурманском направлении, в плен попал в 1942 г., после пленения находился в 1-м офицерском лагере военнопленных, работал библиотекарем, завербован финнами в 1942 г., в мае 1943 г. окончил Петрозаводскую разведывательную школу, был оставлен

начальником курса радистов, одновременно выполнял функции помощника начальника штаба (власовского) полка. Находился в разведшколе до последнего времени ее существования²⁴.

Валентин Иванович Александров, родился в г. Смоленске, в 1940 г. окончил Ленинградское училище военных сообщений, в плен попал раненым в районе Выборга. Находился в 1-м офицерском лагере военнопленных, где участвовал в самодеятельности, был автором и исполнителем антисоветских песен. С мая по октябрь 1943 г. обучался в Петрозаводской разведшколе в д. Улялега, по окончании которой был оставлен на преподавательской работе, готовил радистов, финнами присвоено звание лейтенанта. В школе был до последнего дня ее существования²⁵.

Особого внимания заслуживает преподаватель Петрозаводской разведшколы Пётр Петрович Соколов (1891–1971), который имел большой опыт разведывательной работы. Он родился 16 февраля 1891 г. в С.-Петербурге в семье статского советника. В 1909 г. окончил гимназию имени Александра I и продолжил учебу на юридическом факультете Петербургского университета. Именно на студенческие годы приходится его активное увлечение футболом и спортом вообще.

Выступал за клубы «Удельная» (1909–1911) и «Унитас» (1911–1917) (оба С.-Петербург/Петроград). Чемпион России 1912 г. Чемпион С.-Петербурга 1912 г. Обладатель Весеннего кубка С.-Петербурга 1911, 1912, 1913 гг. За сборную России провел четыре матча (в том числе два матча за олимпийскую сборную России). Также за сборную России сыграл в одном неофициальном матче. Защитник сборной России по футболу на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме.

Ярый монархист. В 1918 г. сблизился с членами подпольной белогвардейской организации, имевшей контакты с английской разведкой. Перебрался в Хельсинки, где резидент британской разведслужбы MI 1 (<https://en.wikipedia.org/wiki/MI1>), ставшей известной чуть позже как SIS, капитан Эрнст Бойс предложил ему продолжить тайную курьерскую деятельность: поддерживать связь между разведпунктом, расположенным в приморском финском городке Терийоки, и резидентом-нелегалом в Петрограде Полем Дюксом (оперативный псевдоним ST-25). В течение всего

1919 г. Соколов неоднократно переходил советскую границу, доставляя для Дюкса инструкции, и возвращался назад с добытыми разведчиком сведениями. По просьбе англичан в качестве проводника переправлял в Петроград и обратно нужных людей.

В начале 1920-х гг. Соколов становится помощником английского резидента в Финляндии Николая Бунакова. Одновременно на него возлагается руководство нелегальным разведпунктом в Терийоки (оперативный псевдоним Голкипер).

Помимо работы на англичан, Соколов одновременно состоял членом нескольких русских эмигрантских организаций в Финляндии. Его знания и опыт в сфере разведывательно-подрывной деятельности против СССР оказались востребованными финскими спецслужбами. В 1920–1930-е гг. П. Соколов вместе с сотрудником финской разведки капитаном Тойво Салокорпи готовил и направлял агентуру в СССР.

В 1940 г. Соколов стал одним из руководителей отдела пропаганды Главного штаба финской армии. Кроме того, он ярко проявил себя как диктор радиовещательной компании «Лахти». Обладатель хорошо поставленного баса, Пётр Соколов считался в эмигрантских кругах лучшим русскоязычным радиокомментатором в Европе и мог составить конкуренцию своему сопернику по информационно-пропагандистской войне – Юрию Левитану. В 1941 г., не прекращая своей работы в финском Главном штабе и на радио, Соколов стал сотрудничать с абвером. Для начала его включили в состав зондеркоманды «Ленинград», которой была поставлена задача войти в город вместе с частями немецких войск и немедленно захватить архивы областного комитета ВКП(б) и Управления НКВД, после чего обеспечить их эвакуацию и сохранность. Позже он работал преподавателем финской разведшколы в Петрозаводске, активно участвовал во власовском движении, возглавлял Северное отделение «Русской освободительной армии». В разведшколе он проводил с будущими диверсантами полевые занятия и читал лекции по ведению агентурной разведки на территории СССР.

В ходе занятий Соколов делился с курсантами собственным опытом 1920-х гг., рассказывал о формах и методах контрразведывательной работы, проводимой советскими органами

госбезопасности. В качестве руководителя Северного отделения РОА он неоднократно ездил в Германию, где встречался с руководителем «Русской освободительной армии» генералом А. А. Власовым, от которого получал конкретные указания. Практическая деятельность Соколова на этом поприще заключалась в поездках по лагерям советских военнопленных для агитации и вербовки добровольцев в подразделения «власовской армии».

Катастрофические поражения на советско-германском и советско-финском фронтах и, как следствие, выход Финляндии из войны в сентябре 1944 г. не застали Соколова врасплох. Он прекрасно понимал, что за ним тянется длинный шлейф темных дел, среди которых особенно выделялось сотрудничество с нацистами. В связи с этим он совершенно правильно рассуждал, что советская контрразведка наверняка будет добиваться у финских властей его выдачи для предания суду как военного преступника; поэтому не стал искушать судьбу и в том же месяце по заранее подготовленному маршруту на севере страны ушел в соседнюю нейтральную Швецию. Как когда-то в далеком 1919 г., он вовремя почувствовал опасность и смог уйти от следовавших по пятам чекистов.

И надо сказать, что сделал это не напрасно. Петра Соколова действительно искали. Оперативная группа офицеров контрразведки, работавшая в составе Союзной контрольной комиссии в Финляндии, во главе с помощником начальника ГУКР СМЕРШ генерал-майором Кожевниковым давно пыталась выйти на его след. В конце концов, совместной директивой ГУКР СМЕРШ и НКГБ СССР он был объявлен во всесоюзный розыск как особо опасный государственный преступник, подлежащий при обнаружении немедленному аресту. В розыскной ориентировке, направленной во все органы госбезопасности и внутренних дел, сообщались его приметы.

В Швеции Пётр Соколов жил в пригороде Стокгольма – Энчепинге (в часе езды от Стокгольма на север). Повторно женился на шведке Ютте Салин и взял фамилию жены. В 1950-е гг. работал массажистом в спортивном клубе Стокгольма. По некоторым сведениям, сотрудничал со шведской разведкой.

По иронии судьбы Соколов закончил свой жизненный путь в том же городе, где в далеком 1912-м защищал спортивную

честь России. Он умер в 1971 г. в возрасте 80 лет и был похоронен на кладбище в Энчепинге. На его могильной плите вместо красивой и звучной фамилии «Соколов» значится скромная надпись Peter Sahlin. Даже уходя в мир иной, он не забыл позаботиться о конспирации.

Что касается курсантов, то все разведывательные школы финской разведки комплектовались исключительно советскими военнопленными, находившимися в концлагерях Финляндии. При подборе курсантов в разведшколы финская разведка использовала крайне тяжелое положение в лагерях советских военнопленных, хотя, надо признать, были и добровольцы. Возраст курсантов колебался от 19 до 40 лет. Все должны быть здоровыми. Предпочтение отдавалось лицам, которые были обижены советской властью. Многие курсанты были судимы, встречались среди них и просто уголовные элементы. Идейных противников советской власти было немного²⁶. В списках все значились под псевдонимами.

В разведшколах были представители многих регионов и национальностей СССР, но преобладали представители славянских национальностей. Определенная часть курсантов была родом из Карелии. Так, в Петрозаводской разведшколе курсант Смирнов был родом из Петрозаводска, Щукин, Бородулин, Сахаров являлись уроженцами Пудожского и Медвежьегорского районов республики.

В период обучения курсанты систематически подвергались идеологической обработке. Как правило, еженедельно проводился лекционный обзор военных действий на советско-германском фронте. Много говорилось об успехах германских и финских войск, демонстрировались кинофильмы, восхваляющие «непобедимость» германской и финской армий, т. е. курсантам внушалась уверенность в скорой и неизбежной победе германских войск и поражении Советского Союза. Курсанты регулярно снабжались периодической литературой, в частности фашистской газетой «Северное слово», выходящей на русском языке. Кроме того, в 1942 г. специально для курсантов Петрозаводской разведшколы издавали журнал «За новую Русь».

Для многих советских военнопленных, вставших на путь коллаборационизма в период войны, учеба в разведшколе и дальнейшая заброска в тыл РККА являлись одним из способов выживания в условиях войны, а также возможностью вернуться на Родину и передать советскому военному командованию информацию о деятельности разведшкол.

Первые задержания агентуры финских разведшкол в Карелии относятся к концу июня – началу июля 1942 г. Начиная с августа 1942 г. задержания в тылу РККА носят уже массовый характер, так как многие агенты приходили с повинной в органы безопасности. Так, во второй половине августа – начале сентября 1942 г. Петрозаводская разведшкола забросила в Архангельскую, Вологодскую, Ленинградскую области и в г. Беломорск 12 агентов (6 агентурных пар), однако никто из них не выполнил задания. Практически сразу же после заброски с повинной в органы НКВД явились семь человек. Четыре агента были задержаны в начале сентября 1942 г. и только одного – Потапова – арестовали 8 января 1943 г. в Москве при очередном призыве в ряды РККА. При этом задание финской разведки он не выполнил, да и выполнять не собирался.

Изменения на советско-германском фронте после Сталинградской битвы (ноябрь 1942 – февраль 1943 г.) и особенно Курской наступательной операции (июль – август 1943 г.) повлекли изменения в настроениях тех, кто в годы войны встал на путь сотрудничества с оккупантами.

Так, в Петрозаводской разведывательной школе именно с 1943 г. меняется настроение среди преподавательского состава и курсантов: появляется неверие в победу германского оружия. Судя по архивным документам, в августе – сентябре 1943 г. финское руководство школы и командование разведывательного полка власовской армии, совместно с финской военной контрразведкой, провели операцию «по чистке рядов» в духе предвоенного нацистского гестапо, арестовав ряд ведущих преподавателей разведшколы, сомневавшихся в победе: Шульгина, Громова, Полежаева, Чеканова, Цветкова, Черемухина, а также преподавателя бокса. По свидетельствам очевидцев, все заговорщики были обвинены в проведении антифинской пропаганды²⁷.

Можно утверждать, что в августе – сентябре 1943 г. фактически закончилась активная деятельность Петрозаводской разведывательной школы, она уже не оправилась от скандала, связанного с «заговором», не исчезла подозрительность к курсантам со стороны финнов. В ноябре 1943 г. школа переехала в Финляндию в м. Роуколаhti, где и была закрыта. Курсантов вернули в лагеря военнопленных. Только в июне 1944 г. курсантов вновь привезли в разведшколу, которая до июля 1944 г. дислоцировалась в школе Савитайпале, новых курсантов призвали из 3-го Хеймобатальона²⁸. С окончанием войны закончилась и деятельность Петрозаводской разведшколы. Судьбы ее курсантов были печальными: большинство из них по требованию советской стороны были возвращены финским правительством в СССР, где их ожидала судьба предателей Родины – уголовное преследование и длительные сроки заключения. И только небольшой части курсантов удалось бежать в третьи страны, прежде всего в Швецию.

Если Петрозаводская разведшкола формировалась преимущественно из советских военнопленных, русских по национальности, то Суомуссалмская разведшкола и разведывательная школа при 2-м отделении финской военной полиции г. Медвежьегорска, или Медвежьегорская разведшкола, в подборе курсантов продолжали традиции, заложенные финской разведкой еще в 1920-е гг.: привлекали к сотрудничеству лиц родственными национальностями, прежде всего советских финнов, карелов и вепсов.

Так, в Суомуссалмской разведшколе в 1942 г. обучалось шесть курсантов, четверо из них были жителями Карелии, карелами по национальности. Пекка Карпонен родился в 1917 г. в Калевальском районе, обучался под псевдонимом Суло Сергияйнен²⁹. Михаил Семенович Мотин, родился в 1918 г. в д. Декнаволок Петровского района Карелии, карел. Пленен финскими войсками 31 августа 1941 г. Обучался в школе с марта по июль 1942 г. под псевдонимом Тойво Топпинен³⁰.

Эловара, он же Василий Назарович Эловаара, он же Вилле (Василий) Салонен (псевдоним Пекшуя), родился в 1918 г. в д. Костомукша Калевальского района, карел, в плен попал летом 1941 г. в районе г. Сортавала. В марте 1942 г. был завербован финской разведкой и учился в разведшколе под псевдонимом

Хейкки Салонен. После ее окончания находился на службе в 3-й разведывательной роте, неоднократно забрасывался в тыл РККА с разведзаданиями. В 1944 г. финской разведкой переброшен в Швецию³¹.

Василий Еремеевич Богданов родился в 1912 г. в с. Ухта, карел, 2 августа 1942 г. добровольно перешел к финнам. Содержался в лагере военнопленных в Суомуссалми. В мае 1943 г. учился в разведшколе под псевдонимом Вилле Елкели, затем служил в 3-й роте. Неоднократно забрасывался в тыл РККА с разведзаданиями. В 1945 г. перебрался в Швецию.

В Медвежьегорской разведшколе разведподготовку с конца сентября 1942 г. по февраль 1943 г. получили 11 человек, в том числе четыре выходца из Карелии (Ремшу, Зайцев, Петров и Ткач)³².

Необходимо отметить, что финские разведывательные школы забрасывали агентуру в тыл РККА в течение всей войны. НКГБ КФССР в своем отчете о результатах контрразведывательной и следственной работы за период 1941–1945 гг., направленном во 2-е (контрразведывательное) Управление НКГБ СССР 29 апреля 1945 г., отмечал, что за период Великой Отечественной войны в тылу частей Красной Армии на Карельском фронте было задержано 129 агентов финской разведки, окончивших разведывательные школы³³. При этом следует подчеркнуть, что в финских и германских разведшколах было подготовлено и заброшено в советский тыл значительно больше агентуры, чем было задержано. Этот факт отмечается и в исторической литературе. Так, по данным финского журналиста Ю. Рислакки, в 1941–1944 гг. финская разведка забросила в тыл Красной Армии до 500 агентов, из которых половину составляли советские граждане³⁴. Розыск коллаборационистов продолжался и после окончания Великой Отечественной войны как в СССР, так и за рубежом, в результате розыскных мероприятий многие агенты были арестованы.

Для советской стороны было принципиально важно вернуть всех коллаборационистов на родину, где они считались предателями, с тем, чтобы они понесли заслуженное наказание. Покажем этот процесс на примере советских военнопленных, которые пошли на сотрудничество с финскими властями в сфере разведки и оказались в составе 2-й разведывательной роте финской разведки под командованием майора Инто Энсио Куйсманена

(1942–1944). В документах карельских архивов эта рота обозначается разными наименованиями: «Косалмский разведывательный пункт», «Косалмский разведпункт. 2-я рота 4-го разведбатальона», «отряд майора Куйсманена», «разведывательно-диверсионный отряд майора Куйсманена», а также как «Косалмская разведывательная школа. Командир майор Куйсманен»³⁵.

Отряд майора Куйсманена играл особую роль в тайной деятельности разведки Финляндии, так как в период войны 1941–1944 гг. на территории оккупированной Карелии в полном составе находилась только одна разведывательная рота финской разведки – рота майора И. Куйсманена. Остальные разведывательные роты финской разведки находились в глубоком тылу на территории Финляндии.

По мере продвижения финских войск происходило передвижение разведывательной роты. После Йоэнсуу (Финляндия), где она была создана в апреле 1941 г., рота передислоцировалась в Леппясюрья (Суоярвский район), затем в Вешкелицу этого же района. После оккупации Петрозаводска рота переехала в столицу Карелии, а в апреле 1942 г. разместилась в м. Косалма (Петровский, позже Прионежский район)³⁶. По данным финансовых документов, ведомостей на получение зарплаты сотрудников финской разведки, всего со дня создания роты (11 апреля 1941 г.) и до ее расформирования (октябрь 1944 г.) в отряде Куйсманена проходило службу не менее 300 человек. Однако состав роты достаточно часто менялся.

В российских архивах мы не найдем точного количества личного состава отряда Куйсманена. Так, М. А. Зазюля в августе 1945 г. на допросе показала, что «в м. Косалма находилось примерно 200 финских солдат...»; А. А. Мохова на допросе в ноябре 1950 г. говорила, «что в отряде было около 100 человек...»³⁷. По информации разведывательного отдела Управления войск НКВД по охране тыла Карельского фронта, в июне 1944 г. в Косалмском разведывательном пункте находилось 130 человек³⁸. И только у бывшего руководителя финской военной разведки генерала Р. Хейсканена мы находим точное количество личного состава каждой из четырех рот, в том числе и 2-й роты 4-го отдельного батальона (https://fi.wikipedia.org/wiki/Erillinen_pataljoona_4) – 156 человек³⁹.

Следует отметить, что в отряде Куйсманена в разные годы проходили службу в общей сложности 62 советских военнопленных. Первая партия советских военнопленных в количестве 12 человек поступила в отряд в феврале – апреле 1942 г. Все они добровольно перешли на сторону финнов и были военнопленными Петрозаводского лагеря № 5. В плен попадали на Карельском фронте. Начиная с осени 1941 г. Куйсманен брал в свой отряд в основном лиц, репрессированных при советской власти, многие из них отбывали срок заключения или находились на высылке в Карелии. Было важно, что военнопленные пострадали от советской власти и могли быть недовольны ею⁴⁰. Однако число военнопленных не превышало 8 % общего числа военнослужащих отряда. Наибольшее количество советских военнопленных – 21 человек, по показаниям Сташковой, было в марте 1943 г.⁴¹ Необходимо подчеркнуть, что подбор кадров для отряда, а также его контрразведка были поставлены на высоком уровне. Об этом говорит тот факт, что за время существования разведывательной роты из нее не было ни одного побега.

Война закончилась, и судьба агентов отряда Куйсманена была окончательно решена. Розыск агентуры и пособников противника советские спецслужбы начали сразу же после освобождения территории Карелии, вели его на всей территории страны, а иногда и за рубежом.

Одним из первых в июле 1944 г. органами НКГБ Карело-Финской ССР был арестован житель д. Намоево Иван Степанович Михалкин, который поддерживал тесные контакты с И. Куйсманеном. Они ходили друг к другу в гости, обедали вместе, разговаривали на карельском языке. Знакомство и контакты с И. Куйсманеном плохо сказались для престарелого Михалкина – его арестовали как агента финской разведки. Практически одновременно с ним была арестована и его дочь – Анна Ивановна Михалкина, которую обвинили в причастности к агентуре финской разведки и содержании конспиративной квартиры⁴².

Практически все советские военнопленные, служившие в отряде И. Куйсманена, выехали с личным составом разведывательного пункта в Финляндию, никто из них не хотел добровольно

возвращаться в СССР. Финские власти и сотрудники военной разведки в благодарность за сотрудничество оказывали им всяческую помощь в получении гражданства и финских паспортов. Так, И. П. Гоц после перемирия принял финское гражданство и 10 месяцев жил с женой на станции Волти. В ноябре 1944 г. ему выдали паспорт на имя Катая (Катала) Ииво, паспорт получить помог капитан Мармо. В конце 1944 г. паспорта на имя финских граждан, вероятно и гражданства, получили еще несколько человек: П. В. Гандзий получил документы на имя Пааво Кайсанена, С. И. Розевик стал Рояла Симо, Н. Я. Кумбышев – Николаем Кумпуненом, С. Г. Гайнатуллин жил в Хельсинки как Калле Кейнонен, Г. Семенец – как Рику Синккинен, Д. Смагин стал Янне Салминеном, Н. И. Плуток – Ниило Лутсом⁴³. Однако по требованию советской стороны финская полиция начала их розыск и задержание в Финляндии, а затем отправку в СССР.

Большую помощь в розыске коллаборационистов оказывала советская контрразведка. Надо отметить, что с первых дней войны советская контрразведка предпринимала усилия по внедрению своих людей в финские разведшколы. В марте 1942 г. Особый отдел Карельского фронта внедрил в Косалмский разведывательный пункт финской разведки (отряд майора Куйсманена) своего разведчика – Степана Дмитриевича Гуменюка. При отработке его биографии сотрудники Особого отдела решили оставить ее без изменений, полагая, что противник может сам все узнать; обсудили объем информации о советской воинской части, которую передаст Гуменюк на допросах у противника, одновременно в задание ввели элементы дезинформации противника о наших войсках. На заключительном этапе отработали технику перехода разведчика на сторону противника, уточнили линию его поведения на допросах, при общении с военнопленными и особенно с администрацией и курсантами разведывательной школы, если он будет в нее зачислен, о методах сбора сведений и способах связи. К концу февраля 1942 г. подготовка агента (позывной – Ленинградец) была завершена, все вопросы по заброске и заданию утвердили у руководства Особого отдела Карельского фронта.

В одну из ночей начала марта 1942 г. через Повенецкую губу Онежского озера Гуменюк был переброшен в тыл финнов под видом изменника родины. Заметив противников, он поднял руки, держа в одной из них белый платок, и зашагал им навстречу. После допросов его направили в лагерь для военнопленных, где он работал на каменоломнях. В конце марта 1942 г. Гуменюка вызвали в канцелярию лагеря, где финский майор снова начал допрашивать: его интересовали место рождения, работа, родственники, служба в Красной Армии, судимость и пребывание в заключении, обстоятельства перехода на сторону противника. Особый интерес майор проявил к Беломорскому гарнизону, в одной из частей которого Гуменюк служил. Разведчик на все вопросы отвечал в соответствии с отработанной линией легенды.

Судя по всему, финская сторона осталась довольна ответами Гуменюка, и в начале апреля 1942 г. его поселили в небольшом домике на окраине Петрозаводска. Далее с ним беседовали капитан Мармо и майор Раски, которые завербовали его в качестве агента финской разведки под псевдонимом Александр Морозов. Гуменюк подписал обязательство на русском языке о добровольном сотрудничестве с финской разведкой, неукоснительном выполнении разведывательных заданий, наградах за героизм и суровом наказании, вплоть до расстрела, за невыполнение задания, за обман, дезертирство и предательство. Поставил дату, а также оставил под обязательством отпечатки пальцев, после чего был зачислен в состав курсантов Петрозаводской разведывательной школы.

Трехмесячная подготовка пролетела быстро, и начальник разведывательной школы майор Раски поставил Гуменюку задачу, состоящую из двух частей: во-первых, проникнуть в Беломорск, установить местонахождение штаба Карельского фронта и воинских частей, а также собрать сведения об установленном в гарнизоне режиме; во-вторых, войти в здание штаба Карельского фронта и подложить в удобном месте взрывчатое вещество с часовым механизмом. В июне 1942 г. Гуменюк был заброшен в советский тыл на самолете – в район Беломорска. Благополучно приземлившись, Гуменюк забрал взрывное устройство и парашют и пришел в Особый отдел фронта, где около двух часов рассказывал

о пребывании в финской разведывательной школе, о ее деятельности и о данном ему разведывательно-диверсионном задании, сообщил о том, что противнику известно, в каком здании располагается штаб фронта. С разведчиком встретились командующий Карельским фронтом генерал В. А. Фролов и начальник Особого отдела фронта А. Сиднев.

На основании информации, полученной от разведчика, командование приняло ряд важных решений. В двухнедельный срок была осуществлена передислокация штаба фронта. В связи с данными о передвижении вражеских войск в северном направлении предполагалось провести серию мероприятий по усилению наблюдения за противником на Ухтинском направлении. Для укрепления положения разведчика в стане противника решили имитировать совершение Гуменюком «по собственной инициативе» диверсии на военных складах, расположенных на окраине Беломорска. Идею этой инсценировки выдвинул командующий Карельским фронтом В. А. Фролов.

Для этого в двух-трех десятках мест освобожденных складов заложили дымовые шашки и подожгли их. На третий день пребывания Гуменюка в Беломорске начался пожар, вызвавший серию взрывов в помещении складов, где раньше лежали снаряды. Как только начался пожар, бойцы батальона охраны Особого отдела оцепили «опасный» район, закрыв доступ к складским помещениям. К месту пожара прибыло много военных и гражданских лиц. Возникли слухи, что «это дело диверсантов». Широко распространившиеся в прифронтовом городе слухи создали весьма правдоподобную убедительную легенду для получения советским разведчиком еще большего доверия со стороны майора Раски и его коллег.

После «совершения диверсии» в Беломорске 29 июня 1942 г. Гуменюк был переправлен через линию фронта из района г. Сегежи под видом агента разведки противника, возвращающегося на свою сторону после успешного выполнения задания в тылу советских войск. Перед ним была поставлена задача – еще глубже внедриться в разведку противника, продолжать сбор сведений о его замыслах, об агентах, подготовленных к заброске в расположение и на коммуникации Карельского, Ленинградского

и Волховского фронтов со шпионско-диверсионными заданиями. По возможности, после тщательного и всестороннего изучения, вести работу по склонению заслуживающих доверия агентов из числа советских военнопленных к явке с повинной. Однако не был решен очень важный вопрос: не были отработаны способы связи Гуменюка с Особым отделом Карельского фронта в случае новой заброски на советскую территорию.

После перехода нейтральной полосы Гуменюк вышел к переднему краю вражеской обороны, был задержан противником и доставлен в г. Медвежьегорск. Здесь он сообщил о своей принадлежности к агентурному аппарату майора Раски, назвал свой псевдоним – Морозов. Прошло немного времени, и агент Морозов на автомашине Раски был доставлен в Косалму. Майор Раски остался доволен докладом, после чего Гуменюк вместе с капитаном Мармо составили подробную схему того района Беломорска, где стоял «уничтоженный» Морозовым склад. И началась проверка достоверности успешно проведенной агентом диверсии, которая поначалу вызывала у Раски сомнения. Повторная аэрофотосъемка подтвердила данные агента об уничтожении военного склада. Раски объявил Гуменюку, что он положительно оценивает работу, сделанную в Беломорске, за проявленное мужество, инициативу и находчивость командование наградило Гуменюка медалью «За заслуги» второй степени⁴⁴.

После возвращения из советского тыла и дальнейшей проверки Гуменюк был зачислен в штат Косалмского разведотряда на правах финского солдата. В сентябре 1943 г. в составе группы из трех человек он был заброшен в район Сегежи, но связаться с Управлением контрразведки СМЕРШ Карельского фронта не смог, так как группа отсиделась в лесу. Больше в советский тыл Гуменюка не направляли. В конце июня 1944 г. в составе 12 человек – выпускников разведшколы он оказался в районе Йоэнсуу⁴⁵.

В начале мирных переговоров с СССР Гуменюка направили в Оулу, где он в сентябре – октябре 1944 г. вел разведку передвижения немецких войск. Когда в связи с перемирием советские власти потребовали выдачи всех военнопленных, ему и другим разведчикам вручили финские документы. В декабре 1944 г. Косалмское разведотделение было расформировано. Гуменюку

выдали финскую медаль, и он самостоятельно устроился (по финскому паспорту) на службу в пограничную охрану в районе Петсамо. В мае 1945 г., после учебы в пограншколе в Хельсинки, Гуменюк встречается с бывшими сослуживцами и находит возможность посетить союзную Контрольную комиссию, и 16 мая 1945 г. его тайно на самолете вывозят в Ленинград. По финским данным, С. Д. Гуменюк, он же Терро, уже 11 ноября 1944 г. был передан в СССР⁴⁶.

Возвратившись в Ленинград, С. Д. Гуменюк представил в военную контрразведку ценные сведения о деятельности разведывательных органов противника, об известных ему официальных сотрудниках и особенно агентах вражеской разведки, заброшенных или подготовленных к заброске на территорию нашей страны с подрывными заданиями, в том числе и о бывших советских военнопленных, вставших на путь военного сотрудничества с противником. Сообщил он и сведения о возможных местах нахождения вывезенных в Финляндию агентов⁴⁷, указав в своем отчете около 100 человек (21 кадровый сотрудник финской разведки, 22 человека из числа обслуживающего персонала, 27 агентов, 21 член диверсионно-разведывательных групп)⁴⁸.

В Рованиемскую разведывательную школу (вторую по опыту и размаху деятельности) были внедрены и успешно работали агенты военной контрразведки Карельского фронта О. В. Сожинский и А. М. Крутиков. Советские разведчики были внедрены и в другие финские разведшколы.

Первая партия военных коллаборационистов (из разведчиков) в количестве 12 человек была этапирована 20 июля 1945 г. из Финляндии в г. Выборг в принудительном порядке под строгим конвоем «как не желавших вернуться в СССР». В Советском Союзе следствие по ним вело 4-е отделение ОКР СМЕРШ 23-й армии⁴⁹. Следствие велось ускоренными темпами, и уже 11 октября 1945 г. военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа рассмотрел дело по обвинению... и приговорил их по ст. 58-1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащими...) к суровым срокам наказания⁵⁰: И. П. Гоца и Н. Я. Кумбышева приговорили к 25 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах; И. П. Гандзия, И. Г. Филя, С. И. Розевика

и И. Г. Товстика – к 20 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах⁵¹.

Несколько позже были арестованы и осуждены к различным срокам заключения еще около 20 советских граждан, служивших в отряде майора Куйсманена, в их числе: С. Г. Гайнатуллин, И. Е. Иванов, Н. Л. Кузьмин (Кузьминов), Н. Николаев, Н. Г. Парфимович, Н. И. Плуток, Г. П. Семенец, С. И. Сироткин, Д. Смагин, Г. Соловенко, И. С. Яковец, А. Ясницкий. Были осуждены также две женщины, работавшие в отряде на подсобных работах: А. И. Михалкина и А. А. Мохова (девичья фамилия – Сташкова)⁵².

Боясь преследования советских властей, из Финляндии в другие страны бежали многие члены отряда Куйсманена из числа бывших граждан СССР, которые еще в 1930-е гг. ушли в Финляндию. Так, Тойво Васки, он же Тойво Матвеевич Васки, родился в 1918 г. в Тосненском районе Петроградской губернии, ингерманландец. До войны бежал в Финляндию, где с 11 апреля 1942 г. по июль 1944 г. служил младшим сержантом в отряде Куйсманена. Окончил школу парашютистов-разведчиков, радист. Неоднократно перебрасывался в тыл РККА с разведывательными заданиями. После перемирия бежал в Швецию⁵³.

Михаил (Микко) Иванович Пёллэ (Пелле, Пюлля), родился в 1916 г. в д. Старый Белоостров Петроградской губернии. В 1933 г. бежал в Финляндию. С 11 апреля 1942 г. по июнь 1944 г. служил прапорщиком во 2-й роте. Окончил две разведшколы и спецшколу парашютистов. По заданию финских и немецких разведорганов неоднократно забрасывался в советский тыл, в том числе в Ленинград, откуда передавал разведсведения по рации. За выполнение заданий награжден немецким железным крестом и финским крестом Маннергейма. После перемирия женился на дочери заместителя начальника военной разведки майора М. И. Котилайнена – Лене Котилайнен, которая в 1944 г. также была в отряде И. Куйсманена. В 1945 г. Пелле служил в финской пограничной охране и жил у тестя в Хельсинки. Позже с женой выехал в Швецию, оттуда – в Венесуэлу⁵⁴.

Сунимяки, до 1941 г. Николай Иванович Михайлов, родился в 1911 г. в Петроградской губернии, в 1935 г. бежал в Финляндию,

в 1939–1940 гг. служил в финской армии. С 11 апреля по 10 октября 1942 г. и с 1 октября 1944 г. служил во 2-й роте. В мае 1942 г. находился в Косалме. Летом 1943 г. служил в Петрозаводской разведшколе, занимался подготовкой агентуры и заброской ее в тыл РККА. После окончания войны жил в Хельсинки, в январе 1946 г. с семьей бежал в Швецию⁵⁵.

И таких примеров можно привести много.

Изучение архивных документов из фондов ведомственных архивов России и Финляндии, которые сравнительно недавно были рассекречены и стали доступны исследователям, позволяет сделать вывод о том, что проблема военного коллаборационизма тесно связана с деятельностью советских, финских и немецких спецслужб в военный период.

Наряду с заброской своих агентов за линию фронта с целью внедрения их в разведорганы финской и немецкой разведок УКР СМЕРШ Карельского фронта вело активную работу по проверке агентов противника – советских военнопленных, вставших на путь сотрудничества с противником. Так, сотрудниками военной контрразведки весной 1943 г. был арестован агент немецкой разведывательной школы в г. Рованиеми Гудок (Николай Андреевич Колесов). Он был перевербован и снова заброшен за линию фронта с целью еще более глубокого внедрения в немецкую разведшколу вместе с агентом Зориным (Михаил Васильевич Рожков), причем Гудок и Зорин не были расшифрованы друг перед другом.

Зорин вернулся на советскую территорию в июле 1943 г. вместе с пятью военнопленными, бежавшими из немецкого плена. У военных контрразведчиков возникли сомнения в правдивости показаний Зорина. Он был помещен на конспиративную квартиру для проверки. К нему подселили советского агента Цветкова, который вошел в доверие к Зорину и раскрыл его как немецкого агента, завербованного немецкой разведшколой в Рованиеми. Зорин действовал не по легенде, а передал противнику всю информацию о своей подготовке в советской разведшколе, в том числе сдал и агента Гудка.

На войне учились обе стороны. С 1943 г. финская разведка стала организовывать групповые побегии из плена советских

военнопленных, внедряя в эти группы своих агентов. Иногда включали в «группы побега» нескольких агентов без их расшифровки друг перед другом. В июле 1943 г. из немецкого плена бежала группа военнопленных в составе пяти человек. Но в этой группе был зафронтовой агент УКР СМЕРШ Карельского фронта Ершов, который на допросе показал, что побег был инсценирован немецкой разведкой, создавшей условия для побега. В группу были включены немецкие агенты (советские военнопленные, завербованные абвером) с целью внедрения их в советские разведшколы.

Составной частью военной коллаборации следует считать тех советских граждан, кто в период войны пошел на службу в органы финской полиции. Судя по архивным источникам, почерпнутым автором из фондов карельских ведомственных архивов (архив УФСБ РФ по РК и архив МВД РК), таких было немало.

Так, бывший педагог петрозаводского педучилища Аапо Петриляйнен сотрудничал с финскими властями, работал переводчиком военной полиции г. Петрозаводска, был награжден финским орденом. По заданию финской разведки забрасывался на территорию Пудожского района. Вместе с отступающей финской армией в 1944 г. ушел в Финляндию⁵⁶. В органах военной полиции служил Александр Константинович Дятлов, до войны работавший бухгалтером-ревизором Карелфинпотребсоюза⁵⁷.

Среди тех, кто пошел на сотрудничество с финской разведкой в военный период, были и сотрудники советской разведки. Так, Адольф (Михаил) Карху, помощник оперуполномоченного КРО НКВД КФССР, в 1941 г. в составе разведывательной группы 1-го отдела НКВД КФССР с оперативным заданием был направлен в тыл финских войск. Добровольно перешел на сторону финнов и на следствии выдал полиции все известные ему сведения о работе органов НКВД КФССР. Дал согласие работать переводчиком военной полиции г. Петрозаводска. В период работы в полиции окончил Петрозаводскую школу финской разведки и ходил на задание в советский тыл на Медвежьегорском направлении. В конце войны вместе с отступающей финской армией ушел в Финляндию⁵⁸.

Семен Шувалов, сотрудник 3-го спецотдела НКВД КФССР, старший лейтенант госбезопасности, член ВКП(б), командир

партизанского отряда «За Родину», неоднократно совершавшего рейды в тыл финских войск и входившего в состав 1-й партизанской бригады Карельского фронта под командованием И. А. Григорьева, которая летом 1942 г. участвовала в драматичном рейде в тыл противника.

О личности и судьбе Шувалова рассказывается в монографии Г. В. Чумакова и А. Н. Ремизова «Бригада: история 1-й партизанской бригады Карельского фронта»: «В отношении некоторых участников похода (речь идет о рейде 1-й партизанской бригады в тыл финских войск летом 1942 г. – С. В.) были приняты меры дисциплинарного воздействия. Так, по представлению комиссара Аристова командир партизанского отряда № 4 (“За Родину”) С. Е. Шувалов был обвинен в трусости. В конце сентября 1942 г. был издан приказ штаба партизанского движения на Карельском фронте о снятии Шувалова с должности командира отряда, лишения воинского звания и боевых наград и направлении рядовым бойцом в один из партизанских отрядов. История до сих пор неясна. Во всех послевоенных публикациях фамилия Шувалова отсутствует. Как будто его и не существовало. Вместе с тем это была фигура заметная в партизанском движении. Он отличился в зимних боях. Среди немногих был награжден орденом Красного Знамени. Потери отряда “За Родину” за время летнего похода не превышали потери других отрядов. После разжалования Шувалов до лета 1943 г. храбро воевал в отряде “Железняк”, а затем – в разведывательно-диверсионных группах. Даже занимал должность политрука одной из групп, во время выполнения очередной операции в тылу противника пропал без вести в районе Петрозаводска»⁵⁹.

Авторы монографии дают свое объяснение случившемуся: «Не верится, что такой человек вдруг проявил личную трусость и неспособность командовать своим отрядом. А ведь именно такие официальные обвинения были ему предъявлены. Нам представляется, что истинные причины столь сурового наказания связаны с конфликтом между Шуваловым и Аристовым, возникшим, вероятно, в период выхода бригады из окружения. Наказание Шувалова должно было служить предупреждением для других командиров, чтобы они не слишком распускали языки

и не критиковали действия руководства партизанским движением»⁶⁰.

Ответ на вопрос Г. В. Чумакова и А. Н. Ремизова «Почему в послевоенных публикациях о партизанском движении в Карелии отсутствуют упоминания о Шувалове?» автор монографии нашел в архивных документах УФСБ РФ по РК, которые были рассекречены в начале 2000-х гг. и с которыми удалось познакомиться. По материалам карельской контрразведки, Шувалов осенью 1943 г. добровольно перешел на сторону противника и предоставил финнам подробную информацию о работе НКВД КФСР, структуре органов, сотрудниках карельской контрразведки, сведения о партизанских отрядах, действующих на Карельском фронте, выдал ряд агентов НКГБ КФСР, оставленных в Петрозаводске для выполнения заданий советской разведки⁶¹. Вместе с тем мотивы такого поступка Шувалова определить трудно: либо он пошел на сотрудничество с финнами из-за обиды на несправедливое к нему отношение со стороны командования партизанскими отрядами, либо под принуждением, спасая свою жизнь.

К военной коллаборации следует отнести и тех советских граждан, которые вступали в карательные отряды по борьбе с партизанами или выступали в качестве проводников для финских подразделений при преследовании партизан. Такие отряды создавались по инициативе финских полицейских органов. В архивных документах ведомственных архивов Карелии имеются списки карательных отрядов. В октябре 1943 г. подобный отряд в составе 10 человек был сформирован на территории оккупированного Шелтозерского района. В него вошли Павел Михайлович Силин, Павел Матвеевич Силин, Иван Александрович Силин, Евгений Александрович Соловьев, Валентин Павлович Зиновьев, Иван Николаевич Яковлев и др. Участники отряда проходили специальную подготовку, изучали топографию, тренировались на лыжах. Они не привлекались к обязательным хозяйственным работам, проживали в своих домах и вызывались органами полиции в случае необходимости для борьбы с партизанами⁶².

В 1944 г. из жителей нескольких деревень этого же района был создан еще один карательный отряд в составе 20 человек, в него вошли: Петр Фокин (д. Горное Шелтозеро), Петр Пасюков

(д. Горное Шелтозеро), Петр Смолин (д. Житноручей), Пелагея Туйсова (д. Розмега), Иван Мартынов (д. Низовье), Владимир Шабанов (д. Залесье), Матвей Силин (д. Залесье), Алексей Николаев (д. Залесье), Егор Беззубов (д. Залесье), Алексей Беляев (д. Матвеева Сельга), Анна Яковлева (д. Залесье, бывший председатель Горно-Шелтозерского сельского совета), Екатерина Баженова (д. Залесье), Пелагея Соловьева (д. Залесье) и др. Женщины, зачисленные в эти отряды, выступали в качестве проводников при поимке партизан. Основная масса жителей этих деревень сторонилась их, считая предателями⁶³. Такие же карательные отряды из местных жителей для борьбы с партизанами формировались на территории Олонецкого, Ведлозерского и других районов Карелии, попавших в зону оккупации.

Вместе с тем эти антипартизанские отряды на оккупированной территории Карелии существенно отличались от подобных им формирований в других оккупированных регионах СССР (Белоруссия, Украина, Брянская, Смоленская и другие области РСФСР): карельские антипартизанские отряды не принимали участия в прямых боестолкновениях с партизанами или расправах над местными жителями, которые оказывали помощь партизанскому движению. Они использовались, прежде всего, в качестве проводников и осведомителей, предоставлявших оккупантам информацию о партизанах.

Большую работу по вербовке советских граждан, оказавшихся на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 гг., проводил Центральный отдел надзора (контрразведка) при Главной квартире финской армии. Им были созданы следующие филиалы (отделы): Петрозаводский, Заонежский, Олонецкий, Ладвинский, Медвежьегорский, а также отдел надзора на Карельском перешейке. Основная работа финской контрразведки на оккупированной территории состояла в том, чтобы выявить среди местного населения тех, кто оказывал помощь советским партизанам и разведчикам. Кроме того, проводилась работа по выявлению партийного, комсомольского и советского актива, сотрудников НКВД, бойцов истребительных и партизанских отрядов, а также лиц, враждебно настроенных к финским властям⁶⁴.

Для осуществления этих целей отделы надзора вели вербовку среди местных жителей, прежде всего тех, кто пострадал при советской власти: репрессированных органами НКВД в годы «большого террора», имевших судимости за разные преступления и отбывших наказания и т. д. Некоторые советские граждане шли на такое сотрудничество. В ведомственных архивах Карелии имеются списки советских граждан, завербованных финской контрразведкой. Они выдавали оккупационным властям партизан и разведчиков, внедрялись в подпольные группы ЦК КП(б) КФССР, засылаемые на оккупированную территорию, выявляли среди местных жителей недовольных оккупационным режимом.

Петрозаводский отдел надзора в период следствия над арестованными партизанами и разведчиками широко использовал такой метод, как подсадка в камеры своей агентуры (Г. Рямзин, К. Даниева, И. Минин, В. Алешин, В. Луото и др.). В частности, Василий Алешин (1909 г. р., уроженец д. Сулажгора Прионежского района КФССР) подсаживался финнами в Киндасовскую тюрьму и выдал Кормоева, Лебедева и других советских патриотов, за что получил от оккупационных властей вознаграждение⁶⁵. Дора Тарасова (1924 г. р., до войны работала в Ухте), разведчица-радистка, сдалась в плен финским властям. Финны подсаживали ее в различные лагеря, в которых она, выполняя роль провокатора, передавала сведения о советских патриотах⁶⁶. Ксения Даниева (1920 г. р., до войны работала в редакции газеты «Тотуус») была осведомителем финской разведки в Киндасовской и Петрозаводской тюрьмах⁶⁷.

Эти же методы применяли Заонежский, Ладвинский и другие отделы надзора. Так, Заонежский отдел надзора посадил в камеру своего агента Колпакова, который вошел в доверие к партизанам и добыл сведения, на основании которых была разоблачена партизанская группа Островского⁶⁸.

К военной коллаборации следует отнести и тех советских разведчиков, которые в силу различных обстоятельств в период войны перешли на сторону противника и пошли на сотрудничество с финской контрразведкой. С самого начала Великой Отечественной войны 4-й отдел НКГБ-НКВД КФССР приступил к организации активной агентурной и диверсионной работы за линией фронта. Наряду с другими направлениями она

включала формирование и переброску в ближайший тыл финских войск разведывательно-диверсионных групп для сбора сведений о противнике и проведения диверсионных действий. Для направления в тыл противника разведгруппы комплектовались из 2–3 человек, реже – 5–6 человек, хорошо знавших район действий, располагавших там связями, владевших финским или карельским языками. Всего за три года войны, как следует из архивных данных, было направлено более 200 разведчиков.

Наряду с политикой заигрывания с национальным населением (к ним относились финны, карелы, вепсы) финские оккупационные власти принимали суровые меры к лицам, заподозренным в оказании помощи партизанам и разведчикам: их заключали в тюрьмы, судили и часто расстреливали прямо на глазах у односельчан. Это не могло не сказываться на населении, оказавшемся на оккупированной финнами территории Карелии.

До перелома в ходе войны многие местные жители просто боялись встреч с партизанами и разведчиками, отказывались принимать их и давать какую-либо информацию. Как правило, в состав разведгрупп включали бойцов, которые имели родственников на оккупированной территории. Но когда разведчики встречались с родственниками, часто слышали: «Уходи, а не то нас убьют». Имелись случаи предательства как среди местных жителей, так и самих разведчиков, которые шли на уговоры родных и сдавались финским оккупационным властям. Такие факты особенно часто имели место в первый год войны.

Группа «Боевики» в составе Ивана Матвеевича Мянду и Александры Васильевны Егоровой 13 октября 1942 г. катерами была переброшена в Петрозаводск с задачей установить судьбу ранее переброшенных агентов, вербовки новых, а также сбора разведанных. Группа не выполнила задание, была пленена финнами во время переправы. Мянду пошел на сотрудничество с финнами (позднее он был увезен в Финляндию, и его судьба неизвестна), а Егорова сидела в финской тюрьме и вернулась в СССР по репатриации⁶⁹. Спецгруппа (арх. № 598) в количестве восьми человек под командованием Бориса Александровича Минина 7 сентября 1942 г. была переброшена в район д. Ялгуба Прионежского района с задачей сопроводить агента Птицына в Петрозаводск и разгромить финскую комендатуру в пос. Соломенное (пригород

Петрозаводска). По данным агента Птицына, радист группы сдался в плен финнам и выдал всю группу⁷⁰.

Спецгруппа «Гранит» в составе Михаила Гавриловича Трантина, Ивана Федоровича Белоусова и Розы Николаевны Пиджаковой 26 апреля 1942 г. была заброшена на оккупированную территорию Шелтозерского района. С момента выброски группы никаких данных о ней в центре не имелось⁷¹. Как выяснилось позднее, группа разведчиков была выдана Р. Н. Пиджаковой⁷².

Анализ неудовлетворительной деятельности разведывательно-диверсионных групп был проведен на совещании в НКВД КФСР в ноябре 1942 г. На нем была проанализирована нарабатанная практика работы в 1942 г., выработаны новые принципы и система подготовки разведкадров. По мере накопления опыта, более глубокого и тщательного изучения обстановки на оккупированной финскими войсками территории Карелии росла и эффективность проводимых в 1943–1944 гг. разведывательно-диверсионных действий. Изменилось и отношение местного населения, которое в большинстве случаев уже шло навстречу разведчикам. Однако и в последующие годы войны были характерны ошибки и недостатки начального периода, имелись факты предательства и трусости.

Группа «Земляки» в количестве шести человек 18 августа 1943 г. самолетом была переброшена в Олонецкий район с задачей связаться с оставшейся там агентурой, организовать базу и собрать разведывательные данные. Группа не выполнила задание, была предана одним из разведчиков – Михаилом Никифоровичем Леонтьевым (после войны он был осужден на 20 лет)⁷³. На территорию этого же района 27 октября 1943 г. самолетом была заброшена группа «Южные» в составе Унто Петровича Кайпанена, Николая Васильевича Кошкина и Татьяны Алексеевны Пешеходовой. Из-за предательства Т. А. Пешеходовой группа была захвачена финнами и не выполнила задание. Кайпонен и Кошкин по приговору финского суда были расстреляны. Пешеходова по репатриации вернулась после войны в СССР и была осуждена на 20 лет⁷⁴.

Группа «Виктория» в составе Владимира Львовича Попова, Киприяна Матвеевича Поташева и Анны Ивановны Макушевой

26 октября 1943 г. катерами Онежской флотилии была направлена на оккупированную территорию Прионежского района с задачей организации нелегальной резидентуры. Группа не выполнила задание: Попов сдался в плен, позднее были задержаны и другие члены группы⁷⁵. 2 ноября 1943 г. самолетом на территорию оккупированного Ведлозерского района была заброшена группа «Кама» в составе Константина Васильевича Манзырева, Семена Андреевича Вавулова и Евдокии Михайловны Сергеевой с задачей организации нелегальной резидентуры. Из-за предательства С. В. Вавулова группа не выполнила задание. Манзырев и Сергеева были убиты в перестрелке с финнами. После войны Вавулов был осужден советским судом⁷⁶.

В апреле 1944 г. на оккупированную территорию Прионежского района самолетом была выброшена разведгруппа (арх. № 624) в составе Виктора Павловича Петрова, Михаила Васильевича Попова, Унто Петровича Хакканена, Сергея Егоровича Алексева и Анны Ивановны Ивановой с задачей создать базу на территории района для проведения диверсионной работы. Группа не выполнила задание: из-за предательства Ивановой все разведчики были обнаружены и убиты. Иванова после войны была арестована и осуждена советским судом⁷⁷.

Отдельные советские разведчики-радисты, задержанные финнами, шли на сотрудничество с финской контрразведкой. Используя их, отделы надзора пытались проводить радиогры, некоторые из которых имели успех. Так, 10 марта 1944 г. на территорию оккупированного Пряжинского района Карелии была заброшена группа «Приятель» в составе агентов Юсси, Кедровского и Ковалева. Как стало известно уже после освобождения Петрозаводска в конце июня 1944 г., группа провалилась, разведчики были арестованы сразу после заброски и содержались в Петрозаводской тюрьме. С 30 марта по 21 июня 1944 г. радист группы работал под диктовку противника, передавая дезинформацию о деятельности Петрозаводской школы финской разведки, при этом он не дал никаких условных сигналов⁷⁸.

За весь период войны, по отчету наркома госбезопасности КФССР Кузнецова от 29 августа 1945 г., результаты разведывательно-диверсионных групп 4-го отдела НКВД-НКГБ КФССР оказались следующими: всего было переброшено в тыл противника

233 человека; вернулись с задания 45 разведчиков; убиты при выполнении 27 человек; пропали без вести – 36; находились на выполнении задания в Финляндии – 16; попали в плен – 109 (из них в результате ранения – 5; изменили родине и добровольно перешли на сторону противника – 21; по другим причинам – 83 человека)⁷⁹. Как видно из приведенных цифр, из 109 разведчиков, попавших в плен, 21 человек вступил в сотрудничество с финскими властями, т. е. почти 20 % разведчиков, находившихся в финском плену, встали на путь военного коллаборационизма.

На сотрудничество с финскими властями шли не только разведчики, заброшенные в тыл финских войск 4-м отделом НКВД-НКГБ КФСР, но и те, кто был заброшен за линию фронта по линии военной разведки. Так, в 1942 г. сдалась в плен финнам радистка разведотдела 7-й отдельной армии Айра Хуусконен. Затем она работала под диктовку финнов и слегадировала захват «языка» из числа офицеров финской армии. Хуусконен сумела вызвать в район Шапшозера два советских самолета, которые были захвачены финнами⁸⁰. В этом же году попала в плен радистка разведотдела 7-й армии Анна Артемьева (1922 г. р., уроженка Олонцкого района КФСР). Она также пошла на сотрудничество с органами финской разведки и, находясь в Киндасовской тюрьме, выдала несколько советских разведчиков⁸¹. В 1943 г. добровольно сдался в плен и сотрудничал с финнами разведчик разведуправления 7-й армии Яюпохья⁸².

Военная коллаборация в меньшей степени коснулась партизанского движения в Карелии в 1941–1944 гг. Партизаны, попадая в сложное положение и предвидя пленение, предпочитали застрелиться, чем попасть в плен к финнам. По воспоминаниям партизан можно установить только несколько случаев перехода бойцов партизанских отрядов на сторону врага, хотя даже эти единичные факты предательства имели далеко идущие трагические последствия. В книге К. В. Гнетнева «Тайны лесной войны» приводятся воспоминания партизан отряда «Вперед» Д. С. Александрова и Н. Н. Пастушенко о том, что в одном из походов этого отряда в тыл врага в июле – августе 1943 г. к противнику ушли из отряда два бойца – Сювялуоми и Коккин, финны по национальности. Н. Н. Пастушенко рассказывает: «Через несколько дней

после ухода из отряда этих предателей финская авиация бомбила партизанскую базу в селе Лехта. По бомбежке было видно, что противник хорошо знал, куда нужно бросать бомбы. Например, первая же бомба угодила в штаб 32-й бригады, и все офицеры и солдаты, дежурившие в ту ночь, погибли»⁸³.

Партизаны крайне негативно относились к подобным случаям и сами стремились пресекать любые попытки предательства. В этой же книге приводятся воспоминания партизана отряда «Мстители» Б. С. Воронова: «У нас в партизанском отряде “Мстители” был такой украинец по фамилии Колеушко. Он оказался предателем и, когда прижало немного, перебежал к финнам. Был еще и Парамонов, учитель из Авдеево. Когда мы встали на привал в поселке Тумба, он в секрете лежал, на линии боевого охранения. Это было во время бригадного похода, числа 18 июля в 1942 г. Мы уже голодать начали. И вот он увидел, что финны идут, руки поднял и к ним побежал. А Дима Вдовин его из пулемета долбанул, и все. Убил его. Не добежал тот до финнов. Любой из партизан сделал бы то же самое. Отношение к ним было неважное. Очень плохое, можно сказать, отношение»⁸⁴.

Вместе с тем документы ведомственных архивов Карелии свидетельствуют, что единичные случаи предательства были и среди партизан. Так, Василий Киприянов (1909 г. р., уроженец Шелтозерского района КФССР), находясь в тылу финских войск в составе партизанского отряда, перешел на сторону противника. Затем добровольно вступил в финскую армию и воевал против Красной Армии⁸⁵.

В проблеме военного коллаборационизма на территории Карелии в период Великой Отечественной войны есть еще немало «белых пятен». Так, нет единого мнения о некоторых известных людях Карелии военного периода. К числу таких относится и староста деревни Горное Шелтозеро Дмитрий Егорович Тучин. Кто он: бесстрашный человек, помогавший советским разведчикам и подпольщикам, или коллаборационист, сотрудничавший с финской администрацией?

Как известно, среди немногочисленных примеров успешной деятельности разведывательно-диверсионных групп НКВД Карело-Финской ССР в районах Карелии, оккупированных

финскими войсками, можно привести пример группы «Аврора». После длительной подготовки в августе 1943 г. на территорию Шелтозерского района 4-м отделом НКВД КФСР была переброшена агентурная группа «Аврора» (другое название – агентурная группа «База № 2»), которая, потеряв радистов, соединилась с подпольной группой Д. М. Горбачева и до апреля 1944 г. активно действовала по сбору разведанных об оборонительных сооружениях на западном побережье Онежского озера и на свирском участке фронта.

В своей работе разведчики опирались на старосту д. Горное Шелтозеро Дмитрия Егоровича Тучина и на актив из числа молодежи. Связь с Тучиным была установлена 24 августа 1943 г. Староста оказывал существенную помощь группе: без него разведчикам вряд ли удалось бы так долго и успешно действовать на оккупированной территории Шелтозерского района. Сначала группа нелегально проживала в доме Тучина, а с наступлением холодов разведчики выстроили землянку в лесу, подальше от деревни. По заданию группы Тучин собирал разведывательные данные как по району, так и по Петрозаводску, куда выезжал по служебным делам⁸⁶.

О деятельности разведывательно-диверсионной группы «Аврора» 4-й отдел НКГБ КФСР регулярно докладывал народному комиссару госбезопасности СССР В. И. Меркулову и начальнику 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР П. А. Судоплатову. В центральном аппарате НКВД СССР высоко оценивали работу этой агентурной группы. Возможности Тучина заинтересовали 4-е Управление, готовившее мероприятие по ликвидации начальника штаба Военного управления Восточной Карелии⁸⁷.

Несмотря на неудачу в решении этого вопроса⁸⁸, которая, на наш взгляд, была вызвана объективными обстоятельствами, в целом деятельность агентурной группы «Аврора» на оккупированной территории Шелтозерского района в 1943–1944 гг. следует признать весьма результативной.

Карельскими исследователями Тучин признан одним из главных лиц, которые сотрудничали с советскими разведчиками в период войны на территории оккупированного Шелтозерского района. Как отмечалось выше, Тучин в течение длительного

времени укрывал разведчиков, помогал им, а также подпольному Шелтозерскому райкому партии во главе с Д. М. Горбачевым получать информацию о деятельности финских оккупационных властей и военных⁸⁹. Он стал одним из героев известной повести О. Н. Тихонова «Операция в зоне “Вакуум”»⁹⁰. Дом Тучина, где скрывались советские разведчики, после войны был перевезен в село Шелтозеро и вошел в состав Шелтозерского вепсского национального музея.

Вместе с тем, по архивным документам финских оккупационных властей, Д. Е. Тучин был одним из самых лояльных сторонников финского режима, оказывал всевозможную помощь властям. В 1942 г. в составе группы старост из оккупированных районов Карелии он ездил в Финляндию, встречался с президентом Рюти и главнокомандующим Маннергеймом⁹¹. В группу были включены лучшие старосты, поддерживающие финский оккупационный режим. Мало того, Тучин был одним из тех старост, которые до последнего момента пребывания финнов на территории Шелтозерского района агитировали местное население за эвакуацию в Финляндию⁹². Он даже был награжден финской медалью за помощь в поимке десанта. Этой чести удостоивались только самые преданные финскому режиму старосты. Судя по архивным документам УФСБ РФ по РК, до лета 1943 г. Дмитрий Тучин числился среди тех старост, которые активно сотрудничали с финнами⁹³.

Не следует забывать и тот факт, что Д. Тучин пошел на контакты с советскими разведчиками и подпольщиками только в августе 1943 г., когда уже наметился явный перелом в войне и стало ясно, что планы Финляндии по присоединению к ней Восточной Карелии провалились. Будучи умным человеком, он не мог не задумываться о том, что ждет его как старосту и представителя финской администрации в Шелтозерском районе после освобождения района советскими войсками от финской оккупации.

Весьма странной выглядит смерть Д. Е. Тучина. Он трагически погиб вскоре после окончания войны – летом 1945 г., работая в должности зам. председателя Суоярвского райисполкома: вывалился из кузова грузовой машины прямо под колесо. О. Н. Тихонов, автор документальной повести «Операция в зоне

“Вакуум”», так оценивает смерть Д. Е. Тучина: «Смерть Тучина – одна из загадок, от которой у автора нет ключей. Одни: диверсия финской контрразведки, которая не могла ему простить... Другие: месть предателей, пытавшихся замести следы. Третьи: просто автомобильная катастрофа. И немые архивы – одна строчка за месяцы поисков: “Умер от раздавливания грудной клетки”»⁹⁴.

Автор монографии, анализируя все известные материалы по Д. Е. Тучину, в том числе архивные источники и финскую литературу, выдвигает свою версию: Тучин вполне мог быть двойным агентом, который слишком много знал о тайнах как советской, так и финской разведок, и вследствие этого был устранен сотрудниками НКВД КФСР. Подчеркнем, что данный тезис является только предположением автора монографии и не претендует на истину в последней инстанции.

Однако примерно ту же мысль проводит финляндский исследователь Х. Сеппяля, который пишет: «Шелтозерский комендант капитан Лаури Орисля в июле (имеется в виду в 1944 г. – С. В.) в отчете об эвакуации писал, что местное население соблюдало спокойствие, но «...к сожалению, один инцидент все же произошел. Староста деревни Миенкюля (Горное Шелтозеро. – *Ред.*) Мийтро Пилвехинен, или Тучин, который очень усердно помогал нашему руководству и награжден медалью за помощь в поимке десанта, попросился с нами в Финляндию. Но его истеричная жена не согласилась на переезд, а Пилвехинен в одиночку не согласился уехать. После этого, чтобы как-то оправдать себя в глазах русских, он организовал из местного населения “шайку”, задачей которой было противодействовать финнам». Далее Орисля рассказывает, что “шайка” застрелила одного полицейского. При преследовании ее двое были задержаны, а самого Пилвехинена поймать не удалось. Орисля никак не верил, что Пилвехинен мог быть агентом, настолько он был старательным»⁹⁵.

И далее Х. Сеппяля отмечает: «Лейтенант Монтонен хорошо знал Пилвехинена по работе в Военном управлении и допускал, что в самом конце он мог организовать какое-то сопротивление, но поначалу вызывал полное доверие... В списках партизанских отрядов нет упоминаний о создании партизанских отрядов в Шелтозере и Сегозере в конце войны.

Судя по всему, в Шелтозере все же работала подпольная группа. Тучин-Пилвехинен искусно служил двум хозяевам и поддерживал подпольную группу в Шелтозере»⁹⁶.

О том, что Д. Тучин являлся двойным агентом, пишет и другой финляндский исследователь Г. Розен: «Из Шелтозерского района в Финляндию ушло 199 человек, даже староста деревни Горное Шелтозеро Митро Пилвехинен (Miitro Pilvehinen), который, как позже стало известно, являлся двойным агентом, хотел выехать в Финляндию, однако против этого была его жена. Для того чтобы поправить свое положение в глазах русских, он в последний момент застрелил финского военного полицейского и перебежал на сторону русских»⁹⁷.

Не выдерживает критики утверждение некоторых российских исследователей о том, что Д. Тучин был специально оставлен для разведработы на территории Шелтозерского района еще до оккупации его финскими войсками. Так, В. Степаков в книге «Русские диверсанты против “кукушек”» пишет: «Горбачев вышел на связь к Д. Е. Тучину, оставленному на оседание за месяц до оккупации и работавшему старостой в деревне Горное Шелтозеро»⁹⁸. Никаких архивных данных об этом не обнаружено. Кроме того, весьма странно и то, что если Тучин был оставлен в качестве разведчика летом 1941 г., то почему советские разведчики вышли на него только через два года – в августе 1943 г.? Нельзя согласиться и с мнением историка А. Б. Широкограда, который назвал Д. Е. Тучина «карельским Штирлицем»⁹⁹.

До лета 1943 г. (до контактов разведчиков с Тучиным) на территорию Шелтозерского района было заброшено несколько разведывательно-диверсионных групп – ни одна из них не выполнила задание. Группы или были захвачены финнами (группа № 5723 под командованием И. И. Потемкина, 9 октября 1942 г.); или арестованы из-за предательства самих разведчиков (в группе № 5723 под командованием А. И. Березкина сдался в плен И. В. Гаттунен), агент Рогов 31 мая 1942 г. был направлен в Шелтозерский район и сдался в плен финнам, в группе «Боевики» сдался в плен разведчик Мянду (Шелтозерский район, 12 октября 1942 г.); или пропали без вести (группа «Гранит», 26 апреля 1942 г.). Зачем было рисковать жизнью разведчиков, забрасывая их в Шелтозерский

район, если «уже с начала войны в нем находился советский разведчик – Д. Е. Тучин. Мнение о том, что Тучин был разведчиком с 1941 г., не выдерживает никакой критики. Но почему Тучин пошел на сотрудничество в 1943 г.?

Это явление было характерно для многих регионов СССР, попавших в зону оккупации. 1943 г. – это год коренного перелома в войне, когда стало ясно, что Германия и ее союзники потерпят поражение. Именно в 1943 г. в Белоруссии, Брянской и Смоленской областях, других оккупированных регионах страны часть населения, которая ранее сотрудничала с оккупантами или была нейтральна к ним в 1941–1942 гг., стала активно вступать в партизанские отряды и подпольные группы. Появился даже термин «партизан 1943 г.» – так партизаны, которые сражались с противником с самого начала войны, называли тех, кто вступил в борьбу с оккупантами только в 1943 г.

Автор монографии не ставит под сомнение помощь Тучина советским разведчикам и подпольщикам с 1943 г., отмечает, что успех советских разведчиков на территории Шелтозерского района во многом определялся именно деятельностью Тучина. Он только выдвигает версию, что до 1943 г., до выхода на него советских разведчиков, Тучин сотрудничал с оккупационными властями и являлся лояльным сторонником существующего режима. Это подтверждают и архивные документы, и воспоминания финнов, с которыми сотрудничал Тучин. В пользу этой версии говорит и его трагическая смерть.

К числу «белых пятен» в проблеме коллаборационизма относится и вопрос о перебежчиках как с советской, так и с финской стороны, а также о пропавших без вести. Часто под видом перебежчиков, по всем признакам коллаборационистов, спецслужбы пытались перебросить в тыл противника своих разведчиков. Такой эпизод описан в книге Г. В. Чумакова и А. Н. Ремизова «Бригада: история 1-й партизанской бригады Карельского фронта»: «По официальному отчету командования бригады 18 июля 1942 г. у дер. Тумба произошел первый открытый бой бригады с ротой финских егерей. Противник потерял в этом бою убитыми не менее 15 солдат. Бригада потерь не имела. Но в Тумбе пропал без вести боец Симанов. Что с ним произошло, до сих пор не ясно.

То ли в суматохе отхода он отстал от своего отряда, то ли сдался финнам? Есть версия, что он был нашим разведчиком, которого под видом перебежчика забросили к противнику»¹⁰⁰.

По нашим подсчетам, общее количество советских граждан, причастных к коллаборационизму на территории Карелии в годы Второй мировой войны, составляет около 5 тыс. человек, из которых примерно половину можно отнести к военной коллаборации.

Военная коллаборация в период Великой Отечественной войны, хотя и в меньшей степени, коснулась и финских военнопленных, оказавшихся в концлагерях на территории СССР. Советские разведывательные органы пытались склонить их к военному сотрудничеству, проводили вербовку с целью дальнейшей подготовки в качестве разведчиков и заброски в тыл финских войск с диверсионно-разведывательными задачами.

Особенно актуальным этот вопрос стал на заключительной стадии военного противостояния между советскими и финскими войсками в 1943–1944 гг.: 4-е Управление НКВД СССР (начальник П. А. Судоплатов) требовало от 4-го отдела НКВД Карело-Финской ССР активной деятельности не только на оккупированной финскими войсками территории Советской Карелии, но и на территории Финляндии.

Но, судя по докладным запискам, которые регулярно отправлялись в Москву 4-м отделом НКВД КФСР, больших результатов в этом вопросе добиться не удалось. Так, в докладной записке на имя Судоплатова «О работе 4-го отдела НКГБ КФСР на собственной территории Финляндии за 1944 г.», подписанной наркомом госбезопасности КФСР А. М. Кузнецовым и начальником 4-го отдела НКГБ республики В. И. Райманниковым, отмечалось, что в 1944 г. по линии 4-го отдела НКГБ КФСР была подготовлена и переправлена на территорию Финляндии только одна группа «Соседи» в составе агентов Юрье (Юнтунен), Корпи (Кемпайнен) и Рае (Пехконен). 4 апреля 1944 г. группа была заброшена самолетом на территорию Финляндии в район Суомуссалми с задачей выявления деятельности Суомуссалмской разведшколы и сбора данных о деятельности Суомуссалмского пункта финской разведки и его агентуры. Задание группа не выполнила. 16 апреля 1944 г. группа направилась к родственникам агента Корпи и при

попытке установления с ними связи последние выдали группу противнику¹⁰¹. Как стало известно уже после окончания войны, Юнтунен и Кемпайнен были расстреляны, Пехконен был осужден финским судом, но после войны возвратился в СССР.

Далее в докладной записке на имя Судоплатова карельские чекисты пишут: «По этим же причинам (имеется в виду предательство родственников, к которым обычно и направлялись все разведгруппы. – С. В.) были провалены и другие разведгруппы, посланные на территорию Финляндии в 1943 г. по линии 4-го отдела НКВД КФСР. Основной причиной слабой работы на территории Финляндии является отсутствие хороших кадров. Кроме того, в связи с эвакуацией населения в начале войны из нашей республики и, в первую очередь, финнов, в настоящее время в неоккупированных районах Карелии проживает только несколько сот человек, финнов по национальности, преимущественно простых рабочих, прибывших в СССР в 1930–1932 гг. из Америки. Этот контингент нами неоднократно проверялся, но использовать его для работы в Финляндии не представляется возможным, так как все они из Финляндии давно выехали в Америку и родственных связей в Финляндии не имеют»¹⁰².

В связи со сложившейся ситуацией руководство 4-го отдела НКВД КФСР предложило П. А. Судоплатову другой вариант по развертыванию диверсионно-террористической деятельности на территории Финляндии: использовать в качестве членов разведгрупп, забрасываемых на территорию Финляндии, финнов из числа военнопленных солдат и офицеров финской армии. Они сравнительно недавно покинули родину и имели в Финляндии многочисленных родственников. И такое согласие было получено. В докладной записке на имя П. А. Судоплатова от 15.08.1944 нарком госбезопасности КФСР полковник госбезопасности А. М. Кузнецов и начальник 4-го отдела НКГБ КФСР В. И. Райманников сообщали: «В апреле 1944 г. в Череповецкий лагерь военнопленных в командировку выезжал зам. начальника 4-го отдела Павлов. За время командировки им завербовано 5 человек агентуры и проведено 6 встреч с ранее завербованными 6 нашими агентами. Таким образом, всего агентуры по линии 4-го отдела из числа военнопленных финской армии

имеется 11 человек. В сентябре 1944 г. нами намечено переправить в Финляндию 4 агентурные группы. В каждую из указанных групп мы наметили послать по одному агенту из числа военнопленных финнов. Базирование групп в Финляндии намечаем на нелегальном положении у родственников агента – военнопленного»¹⁰³.

Выполняя указания П. А. Судоплатова, карельские чекисты наметили конкретный план действий по этому направлению. В упомянутой выше записке говорилось: «Группа “Техники” в составе агентов Монтер и Музыкант намечается к переправе в район г. Тампере, где проживают близкие родственники агента Монтер. Перед группой ставится основная задача – организовать базу для нашей агентуры при помощи родственников агента Монтер. Агентурная группа “Боевые” в составе агента-радиота Ветрова и агента Велли намечается к переправе в районе г. Иисалми, где проживает и работает начальником почты родственник агента Велли. Агентурная группа “Деловые” в составе агента Тойво-Вейкко и агента-радиота Семенов намечена к переправе в районе г. Ювяскюля под крышу к родственникам агента Тойво-Вейкко. Агентурная группа “Артисты” в составе агента Саккели и радиота Звезда намечена к переправе в район г. Хельсинки под крышу родственников агента Саккели. Все группы будут переправляться по воздуху на самолетах»¹⁰⁴.

Знакомство с архивными документами позволяет сделать вывод о том, что П. А. Судоплатов полностью одобрял это направление работы 4-го отдела НКГБ КФСР. Летом 1944 г., когда развернулось наступление войск Карельского фронта и началось освобождение Карелии от финской оккупации, П. А. Судоплатов требовал от руководства 4-го отдела НКГБ КФСР продолжить разведывательно-диверсионную деятельность на территории Финляндии: «В связи с наступлением Красной Армии против немецко-финских захватчиков, вам необходимо максимально использовать все возможности и особенно обстоятельства эвакуации населения для засылки нашей агентуры на собственно территорию Финляндии. С каждым из направляемых агентов нужно тщательно отработать задание и условия связи. Особенно это относится к перспективным агентам: Тучину, Патриоту, Моряку

и др. Дайте задание разведывательно-диверсионным группам о необходимости по мере продвижения Красной Армии отходить в западном направлении с тем, чтобы продолжить работу на территории Финляндии¹⁰⁵.

К осени 1944 г. по указанию начальника 4-го Управления НКГБ СССР П. А. Судоплатова 4-м отделом НКГБ КФСР для работы на территории Финляндии было подготовлено 29 агентов (большинство – из числа финских военнопленных), владеющих финским языком и хорошо знакомых с жизнью и бытом соседней страны. Многие из них имели родственников в Финляндии¹⁰⁶. Однако развернуть эту работу в широком масштабе не удалось, так как в сентябре 1944 г. страна вышла из войны и было заключено перемирие между СССР и Финляндией. Вместе с тем часть агентов была заброшена на территорию Финляндии, вполне возможно, что некоторые агенты продолжали свою работу на советские спецслужбы и в послевоенный период. Понятно, что данная информация до сих пор является секретной.

По-разному складывалось отношение к коллаборационистам после войны в СССР и в Финляндии. Длительное время категория лиц, сотрудничавших с финским оккупационным режимом и воевавших в составе финских войск против Красной Армии, а после войны проживавших в СССР, считалась предателями своей Родины и находилась в забвении. Однако в 1990-е гг. на территории постсоветского пространства отмечается объединение участников Второй мировой войны, воевавших на стороне фашистской Германии и ее союзников.

Финляндское государство признало заслуги ветеранов-иностранцев в защите своей страны, в связи с этим предоставило им льготы ветеранов войны, оказывает материальную помощь, способствует их переезду на жительство в Финляндию, многих из них наградило правительственными наградами¹⁰⁷.

В 1996 г. в Финляндии бывшие соотечественники (финны-ингерманландцы и карелы), воевавшие в частях финской армии против Красной Армии, создали «Общество ингерманландских и карельских ветеранов-соплеменников» (Inkeriläiset ja karjalaiset heimoveteraanit ry), которое занимается поиском ветеранов-соплеменников, оказывает им помощь в отдыхе и лечении, приглашает их в Финляндию.

Для освещения своей деятельности общество издает журнал *Kivekäs*, который выходит два раза в год. В нем рассказывается о ветеранах-соплеменниках, об их участии в войнах против СССР в период 1939–1944 гг., печатаются фотографии, публикуются некрологи¹⁰⁸.

Если для Финляндии ветераны-соплеменники являются героями и финское правительство окружает их почетом и вниманием, то для большинства населения России они по-прежнему остаются предателями своего народа, которые в трудный для страны период воевали на стороне противника.

¹ *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний : политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1940 гг. Петрозаводск, 2009. С. 397.

² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 35. П/ф. 20. Оп. 1. Д. 117. Л. 88.

³ Там же. Ф. 6. Д. № 11. Л. 12–15; 226–227.

⁴ Там же. Ф. 35. П/ф. 20. Оп. 1. Д. 117. Л. 88.

⁵ *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 120.

⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 7. Д. 23. Л. 102.

⁷ НА РК. Ф. 804. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 27.

¹⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 7. Д. 23. Л. 102 об.

¹¹ Там же. Л. 103.

¹² *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах. С. 121.

¹³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 7. Д. 23. Л. 38–40.

¹⁴ Там же. Л. 40, 41.

¹⁵ Там же. Л. 38.

¹⁶ Там же. Ф. 7. Д. 23. Л. 102–103 об.

¹⁷ Там же. Л. 103 об.

¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 17–18.

¹⁹ Там же. Л. 18–19.

²⁰ Там же. Л. 80–80 об.

²¹ *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. // Подвигу жить в веках : материалы воен.-ист. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 85.

²² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 6. Д. 25. Т. 2. Л. 305; Д. 25. Т. 3. Ч. 3. Л. 261, 262.

²³ Там же. Ф. 6. Д. 25. Т. 2. Л. 20, 44–45; Д. 25. Т. 3. Ч. 3. Л. 266.

²⁴ Там же. Д. 25. Т. 2. Л. 24, 291; Д. 25. Т. 3. Ч. 3. Л. 266.

²⁵ Там же. ФЛД. Д. 25. Т. 2. Л. 20, 40; Д. 25. Т. 3. Ч. 3. Л. 269, 289.

²⁶ *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. С. 87.

²⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 6. Д. 25. Т. 3. Ч. 2. Л. 320.

²⁸ *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. Helsinki, 1989. S. 182; *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki, 1982. S. 250.

²⁹ Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 22. Л. 33.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Ф. 6. Д. 21. Л. 8.

³³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. П. 120. Л. 28.

³⁴ *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. S. 249.

³⁵ См.: Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 6. Д. 30. Т. 1–2.

³⁶ *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. S. 173–174.

³⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 6. Д. 30. Т. 1. Л. 230–232; 235–239.

³⁸ Там же. Ф. 6. Д. 30. Т. 1. Л. 1–7; 24–27.

³⁹ *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. S. 173.

⁴⁰ Архив УФСБ РФ по Архангельской области. Д. 16089. Т. 1. Л. 1, 11, 57, 71, 84, 85, 87, 271.

⁴¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 6. Д. 30. Т. 1. Л. 219–224.

⁴² Там же. ФЛД. Арх. № 30. Т. 1. Л. 1, 2, 27, 30–32, 219–224; 230–232; 235–239.

⁴³ Там же. Ф. 10. Д. 8277. Л. 19, 73, 84, 87, 121; Архив УФСБ РФ по Архангельской области. Д. 16089. Т. 2. Л. 1, 11, 34, 57, 68–69, 85, 87.

- ⁴⁴ *Леонов И. Я., Смирнов Н. Т.* В стане врага // Документы свидетельствуют : армейская контрразведка в годы войны. М., 1994. С. 180–203.
- ⁴⁵ Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 4. Л. 8–9.
- ⁴⁶ Там же. С. 9–10; ФТДМ. Д. 8277. С. 20.
- ⁴⁷ *Леонов И. Я., Смирнов Н. Т.* В стане врага. С. 210.
- ⁴⁸ Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 4. С. 10.
- ⁴⁹ Архив УФСБ РФ по Архангельской области. Д. 16089. Т. 1. Л. 11.
- ⁵⁰ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 36.
- ⁵¹ Архив УФСБ РФ по Архангельской области. Д. 16089. Т. 2. Л. 447.
- ⁵² Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Арх. № 30. Т. 1. Л. 1–2, 22, 27; 30–32, 219–224; 230–232, 235–239; ФТДМ. Д. 8277. Л. 19, 21, 22, 41, 67, 73, 84, 87, 89, 121; Архив УФСБ РФ по Архангельской области. Д. 16089. Т. 1. Л. 82, 85, 87, 88, 271.
- ⁵³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 6. Д. 30. Т. 1. Л. 1–2, 27; Ф. 10. Д. 8277. Л. 95.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 6. Д. 30. Т. 1. Л. 235–239; Ф. 10. Д. 8277. Л. 387.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 6. Д. 30. Т. 1. Л. 235–239; Ф. 10. Д. 8277. Л. 89.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 302. Л. 3–5; Ф. 6. Д. 12. Т. 3. Ч. 1. Л. 121.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 6. Д. 11. Ч. 4. Л. 210.
- ⁵⁸ Там же. ФКРО. Оп. 1. Д. 95. Л. 126.
- ⁵⁹ *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Бригада : история 1-й партизанской бригады Карельского фронта. Петрозаводск, 2007. С. 249.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Архив УФСБ РФ по РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 95. Л. 126.
- ⁶² Там же. Д. 98. Л. 122.
- ⁶³ Там же. Л. 122 об., 123.
- ⁶⁴ Там же. Д. 94. Л. 1–7.
- ⁶⁵ Там же. Д. 98. Л. 217.
- ⁶⁶ Там же. Л. 216.
- ⁶⁷ Там же. Л. 353.
- ⁶⁸ Там же. Л. 62, 63.
- ⁶⁹ Там же. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 11.
- ⁷⁰ Там же. Л. 17.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. ФКРО. Оп. 1. П. 98, 351.
- ⁷³ Там же. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 10.
- ⁷⁴ Там же. Л. 21.

⁷⁵ Архив УФСБ РФ по РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 95. Л. 22.

⁷⁶ Там же. Л. 21.

⁷⁷ Там же. Л. 23.

⁷⁸ Там же. ФКРО. Оп. 1. Д. 95. Л. 111–113.

⁷⁹ Там же. ФДСП. Оп. 1. Д. 120. Л. 55–56.

⁸⁰ Там же. Д. 94. Л. 62, 63.

⁸¹ Там же. КРО. Оп. 1. Д. 98. Л. 217.

⁸² Там же.

⁸³ *Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны : партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007. С. 255–257.

⁸⁴ Там же. С. 268.

⁸⁵ Архив УФСБ РФ по РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 98. Л. 215.

⁸⁶ Там же. ФКРО. Оп. 1. П. 95. Л. 26–40.

⁸⁷ Там же. Ф. 2. Д. 95. Л. 144.

⁸⁸ См. подробнее: *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний : политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1940 гг. С. 287–290.

⁸⁹ См.: *История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило, Л. И. Вавулинская и др. ; под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова.* Петрозаводск, 2001. С. 640–641.

⁹⁰ *Тихонов О. Н.* Операция в зоне «Вакуум». Петрозаводск, 1979.

⁹¹ Архив УФСБ РФ по РК. ФДСП. Оп. 1. Д. 117. Л. 64.

⁹² Там же. ФКРО. Оп. 1. Д. 95. Л. 72 об.

⁹³ Там же. Л. 29, 29 об., 30.

⁹⁴ *Тихонов О. Н.* Операция в зоне «Вакуум». С. 215.

⁹⁵ *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // *Север.* 1995. № 6. С. 125.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ *Rosen G.* Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941–1944. Jyväskylä. Gummerus Kirjapaino Oy. 1998. S. 235–236.

⁹⁸ *Степаков В.* Русские диверсанты против «кукушек». М., 2004. С. 111.

⁹⁹ *Широкопад А. Б.* Финляндия – Россия : три неизвестные войны. М., 2006. С. 314–315.

¹⁰⁰ *Чумаков Г. В., Ремизов А. Н.* Бригада : история 1-й партизанской бригады Карельского фронта. С. 196.

¹⁰¹ Архив УФСБ РФ по РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 00. Л. 23, 24.

¹⁰² Там же. П. 95. Л. 150–151.

¹⁰³ Там же. Л. 151.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Л. 170.

¹⁰⁷ Kivekäs. 2001. № 2.

¹⁰⁸ Там же. № 1, 2 и др.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования проблемы, следует, прежде всего, отметить, что масштаб проявлений коллаборационизма в Карелии и Финляндии в годы Второй мировой войны был незначительным по сравнению с другими территориями СССР, оказавшимися в зоне оккупации Германии и ее союзников. Лишь небольшое число мирного финского населения и финских военнопленных сотрудничало с советскими государственными и военными органами в период советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 гг. В силу как немногочисленности финского населения, так и его нежелания сотрудничать с оккупационной администрацией советским властям не удалось создать широкую базу поддержки Народного правительства Финляндии во главе с Куусиненом со стороны местного населения. И советское руководство ликвидировало это правительство в конце Зимней войны.

Вывод о том, что коллаборационизм среди финнов во время Зимней войны не получил широкого распространения подтверждается и тем, что из 2 080 финских граждан, которые оказались после окончания военных действий на территории Советской Карелии, только 150 человек пожелали остаться в СССР (7,2 %)¹, остальные вернулись на родину. В большинстве своем остались те люди, которые сотрудничали с советскими государственными и военными органами и боялись понести наказание в Финляндии. Лишь небольшая часть финнов отказалась вернуться на родину по идейным соображениям.

Среди около 6 тыс. советских военнопленных, оказавшихся в финских концлагерях в период Зимней войны, по разным оценкам, только от 150 до 500 человек выразили готовность вступить в «русскую народную армию» (3–8 %), которая так и не была создана.

Коллаборационизм советских граждан и советских военнопленных на оккупированной территории Советской Карелии и в Финляндии в годы Великой Отечественной войны был масштабнее по сравнению с периодом Зимней войны, но и он не имел

широкого распространения. Это ярко проявилось на заключительном этапе военных действий на Севере, когда в ходе наступления советских войск летом 1944 г. началось отступление финских воинских частей, а вместе с ним и эвакуация местных жителей.

С оккупированной территории Карелии в Финляндию эвакуировалось 2 799 человек, или только 3,35 % всего населения зоны оккупации, из них представителей родственных финнам народов – 2 196 человек (1 422 карела, 314 вепсов, 214 финнов, 176 ингерманландцев, прочих – 70), других народов – 603 (244 русских, 259 украинцев, прочих – 100)². Есть данные и по Петрозаводску. Когда в конце июня 1944 г. финские войска покидали город, с ними ушли только 487 человек из 7 589 свободных жителей³.

Цифры показывают, что количество людей, переселившихся в Финляндию, было незначительным. Местные жители, несмотря на массивную националистическую пропаганду, остались верны своей родине и не захотели переезжать в чужую страну, тем более такую, которая находилась на грани военного поражения. Следует иметь в виду и то, что у многих жителей оккупированных финнами районов Карелии в рядах Красной Армии сражались отцы, мужья, братья, сыновья, которых ждали домой после окончания войны.

Но для некоторой части советского населения эвакуация в Финляндию была неизбежной: для тех, кто находился на службе у финских оккупационных властей и боялся привлечения к суду за предательство; для женщин, состоявших в браке с финнами, и мужчин, ушедших в родственные батальоны.

В целом можно отметить, что национальная политика финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 гг., направленная на разделение населения по национальному признаку (на финно-угорское и русское), не принесла желаемых результатов, привлечь на свою сторону советских карелов, вепсов, финнов не удалось, в том числе это касалось и сотрудничества в военной сфере. Более того, те, кого пришли освобождать от «русской неволи», сами с оружием в руках вместе с русским и другими народами Советского Союза отстаивали независимость своей страны.

В СССР лица, сотрудничавшие с финским оккупационным режимом или воевавшие в составе финских войск против Красной

Армии, а после войны оказавшиеся на территории советской страны, длительное время считались предателями Родины и находились в забвении. Долгие годы существовало устойчивое негативное отношение к населению, которое в силу причин, от него не зависящих, оказалось в финской оккупации.

Положение мало изменилось и после распада СССР. И в настоящее время для большинства граждан новой демократической России люди, сотрудничавшие с оккупационными властями, особенно в военной сфере, являются коллаборационистами и остаются предателями своего народа, вставшими в трудные для страны годы на сторону противника.

Проблема коллаборационизма в Карелии и Финляндии в годы Второй мировой войны по идеологическим соображениям долгое время была закрыта для ученых и только сейчас становится объектом научного интереса российских историков. Предстоит выяснить еще много вопросов: уточнить точное число советских граждан, сотрудничавших с финскими оккупационными властями в годы Второй мировой войны, определить причины этого явления и его социальную базу. При исследовании данного вопроса следует также выяснить: насколько адекватны были репрессии финских властей к своим гражданам, которые сотрудничали с советскими государственными и военными органами в период Зимней войны, и репрессии советских властей в 1941–1944 гг. по отношению к тем, кого считали коллаборационистами: в первую очередь к бывшим военнопленным и репатриантам, проживавшим и работавшим на оккупированной территории Карелии, а затем вывезенным в Финляндию.

В общей проблеме военного коллаборационизма существует еще один невыясненный до конца в отечественной историографии вопрос – о военных формированиях коллаборационистов. Если финское командование по примеру своих германских союзников (например, «Русская освободительная армия») формировало воинские части из советских военнопленных (бригада Кууссаари, 3-й Хеймобатальон, 6-й отдельный ингерманландский батальон соплеменников и др.), то советское командование не предпринимало попыток создания воинских подразделений из финских военнопленных. Их использовали только в разведывательно-диверсионных и политических целях. Кстати, это было характерно

и в отношении немецких военнопленных. Несмотря на их большое количество, особенно после коренного перелома в Великой Отечественной войне, советское военное командование не делало попыток создания воинских частей из немецких военнопленных.

Несмотря на то что рассматриваемая в монографии тема еще требует своего дальнейшего исследования, уже сейчас на основе анализа большого количества документального материала о сотрудничестве местного населения Карелии и Финляндии с оккупационными властями в период Второй мировой войны можно сделать вывод о том, что поведение тех советских и финских граждан, которые пошли на сотрудничество с оккупационными властями в сфере хозяйственной или культурной деятельности в военный период, можно если не оправдать, то по крайней мере понять. Большинство из них оказались на оккупированной территории помимо своей воли в силу суровых военных обстоятельств, а часто по вине и нерасторопности собственных органов власти и управления. Особенно это касается вопросов эвакуации как мирного финского гражданского населения в период Зимней войны 1939–1940 гг., так и советских людей в начальный период Великой Отечественной войны. Этих людей с полным основанием можно отнести к жертвам Второй мировой войны. Долгие годы после ее окончания на тех и других лежала «печать оккупации и плена».

Однако оправдывать военную коллаборацию нельзя. Тех финских и советских граждан, которые перешли на сторону противника и с оружием в руках «под чужими знаменами» воевали против своей родины, можно с полным основанием отнести к предателям. При этом среди них было мало идейных борцов, большинство коллаборационистов переходили на сторону противника, либо спасая свои жизни, либо под принуждением.

¹ *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П.* Интернированные финны // Север. 1995. № 3. С. 99.

² *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 126.

³ Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2005. С. 61.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные документы

Российский государственный военный архив (РГВА), Москва:

- Ф. 25888 – Ленинградский военный округ.
- Ф. 31921 – Управление 1-го стрелкового корпуса ФНА.
- Ф. 34980 – Коллекция документов советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва:

- Ф. 17 – Фонд ЦК ВКП(б).
- Ф. 77 – Коллекция документов А. А. Жданова.
- Ф. 82 – Коллекция документов В. М. Молотова.
- Ф. 516 – Финляндская коммунистическая партия.
- Ф. 522 – Коллекция документов О. В. Куусинена.

Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), Москва:

- Ф. 1е – Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ).

Национальный архив Республики Карелия (НА РК), Петрозаводск:

- Ф. 3 – Карельский обком ВКП(б).
- Ф. 8 – ЦК КП(б) КФССР.
- Ф. 213 – Штаб партизанского движения на Карельском фронте.
- Ф. 287 – Трофейные документальные материалы.

Ф. 804 – Военное управление Восточной Карелии.

Ф. 3435 – Фонд Г. Н. Куприянова.

Ф. Р-690 – СНК КАССР.

Ф. Р-1394 – СНК КФССР.

Ф. Р-1411 – Статистическое управление КФССР.

Архив Министерства внутренних дел Республики Карелия (АМВД РК), Петрозаводск:

Особые папки. Д. 1, 1/1, 2. Т. 1, 2.

Архив УФСБ по Республике Карелия (АУФСБ РК), Петрозаводск:

Фонд КРО (Фонд контрразведывательного отдела).

ФТДМ (Фонд трофейных документальных материалов).

ФЛД (Фонд литературных дел). Арх. № 1: Штаб партизанского движения Карельского фронта.

ЛД 1, 2, 10, 12, 21, 22, 23, 24, 25, 35 (Литерные дела).

ФДОУ (Фонд дел оперативного учета).

ФОД (Фонд общего делопроизводства).

ФСДП (Фонд секретного делопроизводства).

Опубликованные источники

1. Зимняя война 1939–1940 гг. : исследования, документы, комментарии : к 70-летию советско-финляндской войны / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Т. Вихавайнен. – Москва : ИКЦ «Академкнига», 2009. – 816 с.
2. Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД : по материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург : ИИА «ЛИК», 2010. – 320 с.

3. История Карелии в документах и материалах : советский период / сост. Л. И. Драздович и др. ; под ред. А. И. Афанасьевой. – 3-е изд., перераб. – Петрозаводск : Карелия, 1992. – 428 с.
4. Карелия в Великой Отечественной войне : освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1944–1945 : сб. док. и материалов / НА РК и др. – Петрозаводск, 2010. – 510 с.
5. Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 : док., материалы. – Петрозаводск, 1975.
6. Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, 1944–1950 : док. и материалы. – Петрозаводск : Карелия, 1988. – 150 с.
7. Незабываемое : воспоминания о Великой Отечественной войне. – Петрозаводск : Карелия, 1974. – 383 с.
8. Неизвестная Карелия : документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. / сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров, А. Т. Филатова ; науч. ред. В. Г. Макуров. – Петрозаводск : Кар. науч. центр РАН, 1997. – 368 с.
9. Неизвестная Карелия : документы спецорганов о жизни республики, 1941–1956 гг. / сост. С. С. Авдеев, А. В. Климова, В. Г. Макуров ; науч. ред. В. Г. Макуров. – Петрозаводск, 1999. – 306 с.
10. Особые папки : рассекреченные документы партийных органов Карелии, 1930–1950 гг. / В. Г. Макуров, А. Т. Филатова ; науч. ред. В. Г. Макуров. – Петрозаводск, 2001. – 192 с.
11. По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944 : док. и материалы / сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров. – Петрозаводск : Карелия, 1995. – 636 с.
12. Тайны и уроки зимней войны, 1939–1940 / под общ. ред. В. А. Золотарева ; ред.-сост. Н. А. Волковский. – Санкт-Петербург : Полигон, 2000. – 544 с.
13. Устная история в Карелии : сб. науч. ст. и источников. – Вып. 3 : Финская оккупация Карелии (1941–1944) / науч. ред. А. В. Голубев. А. Ю. Осипов. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. – 212 с.
14. Фролов, Д. Д. Из истории Зимней войны : сб. док. / Д. Д. Фролов. – Петрозаводск, 1999.

Воспоминания

1. *Гюннинен, Э. М.* «Народная» армия / Э. М. Гюннинен // Принимай нас, Суоми-красавица! : «освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. – Ч. 2. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 44.
2. *Куприянов, Г. Н.* От Баренцева моря до Ладоги / Г. Н. Куприянов. – Ленинград, 1972. – 376 с.
3. *Куприянов, Г. Н.* За линией Карельского фронта. – Изд. 2-е, испр. и доп. / Г. Н. Куприянов. – Петрозаводск, 1979. – 232 с.
4. *Куприянов, Г. Н.* Во имя Великой Победы : воспоминания / Г. Н. Куприянов. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 270 с.
5. *Маннергейм, К. Г.* Мемуары / К. Г. Маннергейм. – Москва : Вагриус, 1999. – 508 с.

Научная литература

1. *Барышников, В. Н.* Об идее русского эмигрантского правительства в Карелии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. / В. Н. Барышников // Советско-финляндская война, 1939–1940 гг. : материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–17 марта 2002 г.) / ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. – Петрозаводск, 2002. – С. 29–36.
2. *Барышников, В. Н.* Изучение советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века / В. Н. Барышников // От войны к миру : СССР и Финляндия 1939–1940 гг. : сб. ст. / под ред. В. Н. Барышниковой, Т. Н. Городецкой и др. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 55–65.
3. *Барышников, Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии, 1940–1944 гг. / Н. И. Барышников. – Санкт-Петербург, 2007. – 176 с.
4. *Барышников, Н. И.* Финляндия : из истории военного времени, 1939–1944 / Н. И. Барышников. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 409 с.
5. *Барышников, Н. И.* Рождение и крах «Териокского правительства» (1939–1940 гг.) / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников. – Санкт-Петербург ; Хельсинки, 2003. – 363 с.

6. *Барышников, Н. И.* Финляндия во Второй мировой войне / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, В. Г. Федоров. – Ленинград, 1989. – 336 с.
7. Великая Отечественная война, 1941–1945 : военно-ист. очерки. – Кн. 1–4. – Москва, 1998–1999.
8. Великая Отечественная война, 1941–1945 : энциклопедия. – Москва, 1985. – 832 с.
9. *Веригин, С. Г.* О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 г. / С. Г. Веригин // Карелы. Финны : проблемы этнической истории : сб. ст. и докл. – Москва, 1992. – С. 16–30.
10. *Веригин, С. Г.* Карельский вопрос / С. Г. Веригин // Север. – 1993. – № 1.
11. *Веригин, С. Г.* Зимняя война : неизвестные страницы / С. Г. Веригин // Север. – 1993. – № 6. – С. 118–131.
12. *Веригин, С. Г.* Териокское правительство и его деятельность на территории Карелии в период зимней войны 1919–1940 гг. / С. Г. Веригин // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск, 1994. – С. 56–62.
13. *Веригин, С. Г.* История Териокского правительства в финляндской исторической литературе / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен // Политическая история и историография : (от античности до современности). – Петрозаводск, 1994. – С. 115–121.
14. *Веригин, С. Г.* Финская народная армия в зимней войне 1939–1940 гг. / С. Г. Веригин // Общественно-политическая история Карелии XX века : очерки и ст. – Петрозаводск, 1995. – С. 96–114.
15. *Веригин, С. Г.* Интернированные финны / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен // Север. – 1995. – № 3. – С. 91–102.
16. *Веригин, С. Г.* Использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в период зимней войны 1939–1940 гг. / С. Г. Веригин // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. – Москва ; Петрозаводск, 1997. – С. 26–28.
17. *Веригин, С. Г.* Советская Карелия в «зимней войне» / С. Г. Веригин // 105 дней Зимней войны : к 60-летию советско-финляндской войны, 1939–1940. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 77–85.
18. *Веригин, С. Г.* Заложники Зимней войны : (интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 годов / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен, Ю. Кямряйнен. – Петрозаводск ; Йоэнсуу ; Суомуссалми, 2004. – 212 с.

19. *Веригин, С. Г.* Проблема коллаборационизма в Карелии в годы Второй мировой войны / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен // Восточная Финляндия и Российская Карелия : традиция и закон в жизни карел : материалы междунар. семинара историков, посв. 65-летию ПетрГУ / сост. А. М. Пашков, И. М. Соломец. – Петрозаводск, 2005. – С. 223–229.
20. *Веригин, С. Г.* Национальная политика финских оккупационных властей / С. Г. Веригин // Отечественная история. – 2006. – № 4. – С. 73–76.
21. *Веригин, С. Г.* Карелия в годы военных испытаний : (политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1940 гг.) / С. Г. Веригин. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. – 544 с.
22. *Веригин, С. Г.* О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 года / С. Г. Веригин // Вестник Поморского университета. – 2009. – № 4. – С. 6–13.
23. *Веригин, С. Г.* СССР и Финляндия в 1941–1944 гг. : неизученные аспекты военного противостояния / С. Г. Веригин // Российская история. – 2009. – № 3. – С. 90–103.
24. *Веригин, С. Г.* Военный коллаборационизм в Карелии в годы Великой Отечественной войны / С. Г. Веригин // Вестник филиала СЗАГС в г. Выборге : (научные труды и материалы). – Выборг, 2010. – С. 242–266.
25. *Веригин, С. Г.* Планы и результаты национальной политики финской администрации на территории оккупированной Карелии в 1941–1944 гг. / С. Г. Веригин // Карелия на этнокультурной и политической карте России : материалы науч.-практ. конф., посв. 90-летию Республики Карелия. – Петрозаводск, 2010. – С. 123–127.
26. *Веригин, С. Г.* Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов / С. Г. Веригин // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. – 2010. – № 1 (106). – С. 39–46.
27. *Веригин, С. Г.* Культурный коллаборационизм на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах / С. Г. Веригин // Народ, разделенный границей : карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг. : эволюция национального самосознания, религии и языка : сб. науч. ст. – Joensuu ; Петрозаводск, 2011. – С. 173–188.
28. *Веригин, С. Г.* Оккупация Карелии в 1941–1944 гг. / С. Г. Веригин // Подвигу – жить в веках : сб. ст. – Вып. 2. – Петрозаводск, 2011. – С. 71–88.

29. *Веригин, С. Г.* Социально-экономическое положение оккупированных районов Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс] / С. Г. Веригин // История : электрон. науч.-образоват. журнал. – 2011. – Вып. 5 : История стран Северной Европы и Балтии. – Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/karellia_1941_1944.html. – Яз. рус.
30. *Вихавайнен, Т.* Сталин и финны / Т. Вихавайнен. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2000. – 288 с.
31. Война 1941–1945 годов : современные подходы. – Москва, 2005.
32. Война и общество в XX веке : в 3 кн. – Кн. 2 : Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. – Москва, 2008.
33. Война. Народ. Победа : материалы междунар. науч. конф. – Москва, 2008. – 475 с.
34. Вторая мировая война : актуальные проблемы : сб. ст. / под ред. О. А. Ржешевского. – Москва : Наука, 1995.
35. *Галицкий, В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.) : монография / В. П. Галицкий. – Москва : «Грааль» ; ТОО «Церера», 1997. – 248 с.
36. *Гилязов, И. А.* Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны – форма проявления национализма? / И. А. Гилязов // Ab Imperio : теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – Казань, 2000. – № 1. – С. 107–129.
37. *Гилязов, И. А.* На другой стороне : (коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны) / И. А. Гилязов. – Казань, 1998. – 252 с.
38. *Гнетнев, К. В.* Тайны лесной войны : партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах / К. В. Гнетнев. – Петрозаводск : Острова, 2007. – 410 с.
39. *Гордиенко, А. А.* Куприянов и его время / А. А. Гордиенко. – Петрозаводск : Изд. дом «Карелия», 2010. – 448 с.
40. *Дробязко, С. И.* Иностранцы формирования Третьего рейха / С. И. Дробязко, О. В. Романько, К. К. Семенов ; под ред. К. К. Семенова. – Москва : АСТ ; Астрель, 2009. – 848 с.
41. Зимняя война, 1939–1940 : политическая история : в 2 кн. – Москва : Наука, 1999.
42. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 : в 6 т. – Москва, 1960–1964.

43. История Второй мировой войны, 1939–1945 : в 12 т. – Москва, 1973–1982.
44. История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило, Л. И. Вавулинская и др. ; под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. – Петрозаводск : Периодика, 2001. – 943 с.
90. *Йокипий, М.* Финляндия на пути к войне : исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. / М. Йокипий ; пер. Л. В. Суни. – Петрозаводск : Карелия, 1999. – 370 с.
91. Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы респ. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.) / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев. – Петрозаводск : Изд-во ИЯЛИ КНЦ РАН, 2001. – 108 с.
92. Карелы. Финны : проблемы этнической истории : сб. ст. : материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. 16. – Москва : Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 1992. – 227 с.
98. *Килин, Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920–1941 / Ю. М. Килин. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1999. – 276 с.
99. *Киселева, О. А.* Гражданское население и оккупационный режим / О. А. Киселева, Т. В. Никулина // Отечественная история. – 2006. – № 4. – С. 70; 76–81.
100. *Киркинен, Х.* История карельского народа / Х. Киркинен, П. Неволайнен, Х. Сихво. – Петрозаводск : МП «Барс», 1998. – 324 с.
103. *Козлов, Н. Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 / Н. Д. Козлов. – Санкт-Петербург, 1995. – 140 с.
104. *Ковалев, Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 / Б. Н. Ковалев. – Москва, 2004. – 483 с.
105. *Куломаа, Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944 / Ю. Куломаа ; Военно-ист. об-во РК ; науч. ред. Ю. М. Килин. – Петрозаводск : А. Н. Ремизов, 2006. – 277 с.
106. *Кямряйнен, Ю.* Интернирование Красной Армией мирного финского населения в свете международных договоров / Ю. Кямряйнен // Восточная Финляндия и Российская Карелия : традиция и закон в жизни карел : материалы междунар. семинара историков, посв. 65-летию ПетрГУ / сост. А. М. Пашков, И. М. Соломещ. – Петрозаводск, 2005. – С. 210–222.

107. *Лайдинен, Э. П.* Интернированные финны в Карелии, 1939–1940 гг. / Э. П. Лайдинен // Советско-финляндская война, 1939–1940 гг. : материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–17 марта 2002 г.) / ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. – Петрозаводск, 2002. – С. 58–62.
108. *Лайне, А.* Гражданское население Восточной Карелии под финской оккупацией во Второй мировой войне / А. Лайне // Карелия, Заполярье и Финляндия во Второй мировой войне. – Петрозаводск, 1994. – С. 41–43.
109. *Лайне, А.* Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941–1944 гг.) / А. Лайне // Вопросы истории Европейского Севера : (проблемы социальной экономики и политики : 60-е годы XIX–XX в.) : сб. ст. – Петрозаводск, 1995. – С. 99–106.
110. *Литвин, А. М.* Проблема коллаборационизма и политические репрессии в Белоруссии в 40–50-х гг. / А. М. Литвин // Политический сыск в России: история и современность. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 266–267.
111. *Макуров, В. С.* Зимняя война и жизнь некоторых граждан Финляндии в Карелии в 1939–1940 гг. / В. Г. Макуров // Новое в изучении Карелии : сб. ст. – Петрозаводск, 1994. – С. 160–167.
112. *Макуров, В. С.* Военная летопись Карелии, 1941–1945 / В. Г. Макуров. – Петрозаводск : Кар. науч. центр РАН, 1999. – 84 с.
113. *Макуров, В. С.* Карелия в годы Второй мировой войны (1939–1945) / В. Г. Макуров // История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001. – С. 583–667.
114. *Макуров, В. С.* Петрозаводск в годы суровых испытаний 1941–1945 / В. С. Макуров. – Петрозаводск, 2005. – 80 с.
115. *Мартикайнен, Т.* Международный семинар-примирение партизанской войны в г. Соданкюля 27–29.09.2002 / Тууне Мартикайнен. – Кеми, 2004.
116. *Морозов, К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / К. А. Морозов. – Петрозаводск : Карелия, 1983. – 239 с.
117. *Окороков, А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны / А. В. Окороков. – Москва, 2000. – 173 с.
118. Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны / авт.-сост. С. Г. Веригин, В. П. Судаков. – Петрозаводск : Скандинавия, 2005. – 208 с.
119. *Пиэтола, Э.* Военнопленные в Финляндии / Э. Пиэтола // Север. – 1990. – № 12.

120. *Покровская, И. П.* Население Карелии / И. П. Покровская. – Петрозаводск : Карелия, 1978. – 192 с.
121. Политическая история Финляндии, 1809–1995. – Петрозаводск, 1998.
122. *Расила, В.* История Финляндии / В. Расила ; пер. Л. В. Суни. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. – 294 с.
123. Республика Карелия : 80 лет в составе Российской Федерации : (становление и развитие государственности) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 6 июня 2000 г. / сост. В. Н. Бирин. – Петрозаводск, 2000. – 191 с.
124. *Романько, О. В.* Советский легион Гитлера : граждане СССР в вермахте и СС / О. В. Романько. – Москва, 2006. – 640 с.
125. *Романько, О. В.* Крым под пятой Гитлера : немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг. / О. В. Романько. – Москва : Вече, 2011. – 432 с.
126. *Романько, О. В.* Военный коллаборационизм советских граждан в период Второй мировой войны : к вопросу о характере и причинах / О. В. Романько // Язык как инструмент познания и зеркало эпохи : материалы междунар. науч.-практ. конф. «VI Кирилло-Мефодиевские чтения», г. Симферополь, 23–24 мая 2013 г. – Симферополь, 2013.
127. *Романько, О. В.* Крым в период немецкой оккупации : национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение, 1941–1944 / О. В. Романько. – Москва : Центрполиграф, 2014. – 414 с.
128. Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – Санкт-Петербург, 2005.
129. *Семиряга, М. И.* Коллаборационизм : природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. – Москва, 2000. – 862 с.
130. *Сенявская, Е. С.* Психология войны в XX веке : исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 383 с.
131. *Сенявская, Е. С.* Противники России в войнах XX века : эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 288 с.
132. *Сенявская, Е. С.* Финны во Второй мировой войне : формирование образа врага : взгляд с двух сторон / Е. С. Сенявская // От войны к миру : СССР и Финляндия 1939–1940 гг. : сб. ст. / под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Городецкой и др. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 173–181.

133. *Сеппяля, Х.* Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах / Х. Сеппяля // Север. – 1995. – № 4–5 ; № 6.
134. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. : материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–17 марта 2002 г.) / ред. колл.: Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, В. П. Судаков. – Петрозаводск, 2002. – 98 с.
135. Советско-финляндская война, 1939–1940 : в 2 т. – Санкт-Петербург : Полигон, 2003.
136. 105 дней «зимней войны» : к 60-летию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. – Санкт-Петербург, 2000. – 120 с.
137. *Такала, И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы / И. Р. Такала // Карелы. Финны : проблемы этнической истории : (сб. ст.). – Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. – С. 150–175.
138. *Такала, И. Р.* Финны в Карелии и в России : история возникновения и гибели диаспоры / И. Р. Такала. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2002. – 172 с.
139. *Тихонов, О. Н.* Свидетель : док. роман / О. Н. Тихонов. – Петрозаводск : Карелия, 1990.
140. *Хиетанен, С.* Вопрос о перемещенных лицах / С. Хиетанен // Народ в войне. – Хельсинки, 1989.
141. *Чумаков, Г. В.* Бригада : история 1-й партизанской бригады Карельского фронта / Г. В. Чумаков, А. Н. Ремизов. – Петрозаводск : «Компания РИФ», 2007. – 358 с.
142. *Юсупова, Л. Н.* Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении : феномен военного детства / Л. Н. Юсупова // Человек и война : страницы военной истории России : сб. науч. ст. / ред. колл.: Г. В. Чумаков, Л. Н. Юсупова. – Петрозаводск, 2005. – С. 24–33.
143. *Elfvengren, E.* Vihollisen Selustassa / E. Elfvengren, M. Kosonen, E. Laidinen. – Helsinki : Otava, 2010. – 400 s.
144. *Engle, E.* The Winter War. The Russo-Finish conflict 1939–1940 / E. Engle, L. Paananen. – London, 1973.
145. *Erkkilä, V.* Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisiin kyliin / V. Erkkilä. – Helsinki : Arator Oy, 1999.
146. Finland and World War II. 1939–1944. – New York, 1948.
147. *Haasio, A.* Tasavallan panttivangit / A. Haasio, E. Hujanen. – Juväskylä, 1990.

148. *Halsti W. H.* Suomen Sota 1939–1945. Talvisota 1939–1940 (Ensimmäinen osa) / W. H. Halsti. – Keurun, 1957.
149. *Halsti, W. H.* Suomen sota. Osa 1. Talvisota 1939–1940 / W. H. Halsti. – Helsinki, 1957.
150. *Heikkinen, R.* Korpikansan kintereillä. Kainuun työväenliikkeen historia / Reijo Heikkinen, Matti Lackman. – Koillissanomat OY Kuusamo. Kainuun työväenliikkeen historiatoimikunta, 1986.
151. *Heiskanen, R.* Saadun tiedon mukaan ...Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. – Helsinki : Otava OY, 1989.
152. *Hölsä, M.* Itäkarjalaisopettajia Suomessa jatkosodan aikana. Itä-Karjalan sotilashallintoesikunnan opettajaleiri 1941–1944 / Hölsä Martti. – Saarijärven Offset OY, 2000
153. *Hyytiä, O.* «Helmi Suomen maakuntien joukossa» : suomalainen Itä-Karjala 1941–1944 / Hyytiä Osmo. – Helsinki : Edita, 2008.
154. 105 päivää – Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939–1940. Kainuun Sanomain Kirjapaino OY. – Kajaani, 1990.
155. *Jussila, O.* Terijoen hallitus 1939–1940 / O. Jussila. – Porvoo ; Helsinki, 1985.
156. *Jussila, O.* Terijoen hallitus 1939–1940 / O. Jussila // Maailma ja me. – 1989. – № 9. – S. 56–66.
157. *Kilin, J.* Rajaseudun väki kahdesit panttina 1939–1940 / J. Kilin // Historiallinen aikakauskirja. – 1993. – № 3. – S. 204–212.
158. *Kilin, J.* Rajaseudun väki kahdesit panttina 1939–1940 / J. Kilin // Carelia. – 1994. – № 11. – S. 132–138.
159. *Kilin, J.* Puna-armeija tahdon toteuttajana Talvisodassa / J. Kilin // Talvisodan Pikkujattilainen. – Porvoo, 1999. – S. 356–384.
160. *Kilin, J.* Toinen marsii Ouluun. Puna-armeijan johdon toisen hyökkäyksen suunnitelmia Suomas-salmen kautta maaliskuun loppupuoliskolla / J. Kilin // Rajamailla III. 1996. Rovaniemi, 1997. S. 83–90.
161. *Kilin, J.* Toinen riemumarsii Ouluun : puna-armeija valmistautui katkaistaan Suomen vielä maaliskuussa 1940 / J. Kilin // Sotilasaikakauslehti. – 1997. – № 3. – S. 26–32.
162. *Kämäräinen, J.* Ruhtinaansalmelaiset puna-armeijan armoilla talvisodan Suomussalmella / Jussi Kämäräinen. – Joensuu, 2001.
163. *Kujala, A.* Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa / Kujala Antti. – Helsinki ; Otava, 2008.

164. *Laidinen, E.* The issue of collaborationism in Karelia during World War II / E. Laidinen, S. Verigin // Migration, Industrialisation and Regionalisation. – Lulea, 2006. – S. 205–213.
165. *Laine, A.* Suur – Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941–1944 / A. Laine. – Helsinki : Keuruu, 1982. – S. 75–76.
166. *Martikainen, T.* Talvisodan evakot ja siviilisotavangit / T. Martikainen. – Jyväskylä, 2000.
167. *Martikainen, T.* Partisaanien siviiliuhrit. Värisuora / T. Martikainen. – Kemi, 2002.
168. *Paasikivi, J.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–1941 / J. Paasikivi. – Porvo ; Helsinki ; Juva, 1986.
169. *Pakaslahti, A.* Talvisodan poliittinen näytelmä / A. Pakaslahti. – Porvoo ; Helsinki, 1970.
170. *Pöllänen, M.* Rajan evakot. Suomussalmen siviilejä Talvisodan kurimuksessa / Mikko Pöllänen. Saarijärvi. Gummerus Kirjapaino OY, 1998.
171. *Rentola, K.* Kenen joukoissa seisot? Suomalainen Kommunismi ja sota 1937–1945 / Kimmo Rentola. – Juva, 1994.
172. *Rislakki, J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa / Jukka Rislakki. – Helsinki : Love Kirjat, 1982.
173. *Rosen, G.* Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941–1944 / Gunnar Rosen. – Jyväskylä. Gummerus Kirjapaino Oy, 1998.
174. *Seppälä, H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia / H. Seppälä. – Porvoo ; Helsinki, 1991.
175. Sotavangit ja internoidut. Kansallisarkiston artikkelikirja. L. Westerlund (toim.). – Helsinki : Oy Nord Print Ab, 2008.
176. *Tanner, V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana / V. Tanner. – Helsinki, 1951.
177. *Takala, I.* Kysymys Suomen kansanarmeijasta / I. Takala // Talvisota, Venäjä ja Suomi / Toimit. T. Vihavainen. – Helsinki, 1991.
178. Talvisodan historia 3. Sotatoimet Laatokan ja Jäämeren välillä. Sotatie-teen laitoksen julkaisuja XVI: 3. 4 painos. – Porvoo, WSOY, 1991.
179. *Upton, A.* Kommunismi Suomessa / A. Upton. – Rauma, 1970.
180. *Verigin, S.* Internoidut suomalaiset 1939–1940 / S. Verigin, E. Laitinen // Carelia. – 1996. – № 12. – S. 100–106.
181. *Vihavainen, T.* Suomen ja Neuvostoliiton suhteet 1930 – luvun lopulta Moskovan rauhaan 1940 / T. Vihavainen // Talvisodan poliittinen näytelmä. – Porvoo ; Helsinki, 1970.

Список сокращений

- АПРФ – Архив Президента Российской Федерации
- ББК – Беломорско-Балтийский комбинат
- ВГК – верховное главнокомандование
- ВИЖ – Военно-исторический журнал
- ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
- ВУВК – Военное управление Восточной Карелии
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГлавПУРККА – Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии
- ГКО – Государственный комитет обороны
- ГСК – горно-стрелковый корпус
- ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей
- ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных
- ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
- ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
- КАО – Карельское академическое общество
- КАССР – Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика

- Концлагерь – концентрационный лагерь
- КПП – контрольно-пропускной пункт
- КПФ – Коммунистическая партия Финляндии
- КТНФ – комитеты трудового народного фронта
- КФССР – Карело-Финская Советская
Социалистическая Республика
- ЛВО – Ленинградский военный округ
- МВД – Министерство внутренних дел
- МЖД – Мурманская железная дорога
- МИД – Министерство иностранных дел
- НА РК – Национальный архив Республики
Карелия
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- НКГБ – Народный комиссариат государственной
безопасности
- НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
- НКО – Народный комиссариат обороны
- ОГПУ – Объединенное государственное
политическое управление
- ПетрГУ – Петрозаводский государственный
университет
- Погранотряд – пограничный отряд
- РГАСПИ – Российский государственный архив
социально-политической истории
- РГВА – Российский государственный военный
архив

- РГНФ – Российский государственный научный фонд
- РИК – районный исполнительный комитет
- РК – Республика Карелия
- РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
- РО – районное отделение
- РОА – Русская освободительная армия
- РОВС – Российский общевойсковой союз
- РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РФ – Российская Федерация
- РШТА – Республиканский штаб партизанского движения
- СД – стрелковая дивизия
- СК – стрелковый корпус
- СКК – Союзная контрольная комиссия
- СМЕРШ – («Смерть шпионам») органы советской военной контрразведки
- СНК – Совет Народных Комиссаров
- СПб. – Санкт-Петербург
- СПК – Смешанная пограничная комиссия
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
- УГБ – Управление государственной безопасности

- УПВИ НКВД – Управление по делам военнопленных
СССР и интернированных НКВД СССР
- УФСБ РФ по РК – Управление Федеральной службы
безопасности Российской Федерации
по Республике Карелия
- ФДР – Финляндская Демократическая
Республика
- ФНА – Финская народная армия
- ЦАМО – Центральный архив Министерства
обороны
- ЦГАИПД – Центральный государственный архив
исторической и политической
документации
- ЦИК – Центральный исполнительный комитет
- ЦК КП(б) КФССР – Центральный комитет
Коммунистической партии
(большевиков) Карело-Финской ССР
- ЦХИДК – Центр хранения
историко-документальных коллекций
- ЦШПД – Центральный штаб партизанского
движения

Научное издание

Веригин Сергей Геннадьевич

**ПОД ЧУЖИМИ ЗНАМЕНАМИ:
военный коллаборационизм в Карелии
в годы Второй мировой войны
(1939–1945)**

Редактор *И. И. Куроптева*

Художественный редактор *Е. Ю. Тихонова*

Подписано в печать 12.07.2016. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. 7 уч.-изд. л. Тираж 100 экз. Изд. № 294

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ

185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Веригин, Сергей Геннадьевич.

ВЗ21 Под чужими знаменами : военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939–1945) / С. Г. Веригин ; М-во образования и науки Рос. Федерации, федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2016. – 123, [1] с. + 6 с. ил.

ISBN 978-2-8021-2946-3

Монография посвящена одному из проявлений коллаборационизма на территории Карелии и Финляндии в годы Второй мировой войны – сотрудничеству местного населения и военнослужащих с оккупационными властями в военной сфере и является своеобразным продолжением предыдущей монографии автора – «Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.», вышедшей в 2012 г.

Издание подготовлено на базе широкого круга источников, основу которого составили архивные документы из фондов государственных и ведомственных архивов России и Финляндии. Многие архивные документы впервые вводятся в научный оборот. Адресуется как специалистам-историкам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей Карелии.

УДК 94 (47)“1939/1945”
ББК 63.3(2)6 + 63.3(2Р-6Кар)

ISBN: 978-5-8021-2946-3

9 785802 129463

Самолет на оз. Укшезеро (Косалма),
откуда финские разведчики разведывательно-диверсионного отряда
майора Куйсманена забрасывались в тыл РККА в 1942–1943 гг.
(фото из Военного архива Финляндии)

Курсанты Петрозаводской школы финской разведки
(фото из Военного архива Финляндии)

Церемония награждения курсантов
Петрозаводской школы финской разведки, 1943 г., берег оз. Шотозеро
(фото из Военного архива Финляндии)

Третий слева – Александр Владимирович Владиславлев (Владимиров) –
командир 1-го разведполка Северного отделения РОА,
преподаватель Петрозаводской школы финской разведки
(фото из Военного архива Финляндии)

Сохранившееся здание
Петрозаводской школы
финской разведки
(Лососинское шоссе, д. 6)
(фото автора)

Петрозаводская школа финской разведки,
рисунок курсанта А. В. Анкудовича (1942)
(фото из архива УФСБ РФ по РК)

В этом доме
в Уляеге
в 1942–1943 гг.
располагалась
школа финской
разведки
(фото из архива
автора)

Пётр Петрович
Соколов – агент
финской разведки,
преподаватель
Петрозаводской школы
финской разведки
(фото из Военного
архива Финляндии)

Дмитрий Егорович Тучин – староста д. Горное Шелтозеро,
советский разведчик
(фото из архива автора)